

Таймер (пролог)

Войцех Подольски сидел в пабе, пил уже третью кружку пива и смотрел по телевизору матч Леха с Легией. Так он пытался снять нервное напряжение. Войцех работал врачом «скорой помощи» в Варшаве, и это как раз был вечер после его дежурства. Обычно он проводил такие вечера дома, читая книгу или копаясь в Сети, но сейчас ему было не по себе и хотелось побыть в обществе других людей. Все его мысли крутились вокруг вчерашнего выезда по вызову больного. Сначала всё казалось очень простым и понятным: температура, рвота. Но эта самая температура, невзирая на два сделанных укола, с легкостью перешагнула сорок два градуса, и пациентка, потеряв сознание, умерла у него на руках. У неё даже пар пошел изо рта! А тело сморщилось, как будто из него выкачали всю воду. Войцеха передернуло, он допил пиво и заказал ещё одну кружку. «Ужасно, ей же было всего сорок лет», — пробормотал он. Затем он покачал головой: «Сорок лет — по документам, но выглядела она лет на двадцать пять, максимум. Конечно, она жила в элитном районе, денег у неё было достаточно, наверное, ела «таблетки молодости» каждый день».

Тем временем первый тайм футбольного матча закончился и команды ушли на перерыв. Началась реклама. На экране появился молодой парень в спортивных шортах, красивый, загорелый, накачанный.

— Мне тридцать пять лет, — начал он, — но посмотрите на меня и скажите, на сколько я выгляжу? Найдите в себе силы признаться, что я выгляжу на двадцать лет! Благодаря чудо-таблеткам ТТВ19, которые я употребляю ежедневно. С тех пор я не постарел ни на день! Компания «Юэроп фармацевтик индастриз» предлагает вам ни больше ни меньше, как вечную молодость или даже вечную жизнь. Наши таблетки не имеют побочных эффектов, улучшают работу организма в целом, излечивают сотни заболеваний, но самое главное — они не дают вам стареть! А теперь, скажите мне, сколько бы вы заплатили за такую таблетку? Триста евранией? Пятьсот? Вы так дешево цените свою жизнь? Наше специальное предложение: одна таблетка — всего лишь тысяча евранией! Подумайте, фактически бессмертие за триста шестьдесят пять тысяч евранией в год! И это дорого?! Приобретайте ТТВ19 только у дилеров «ЮФИ», всё остальное — подделка.

Дальше мелким шрифтом пробежала строчка о том, что предложение действительно только при покупке годового курса таблеток.

Еврань был общей Евразийской валютой, возникшей в 2024 году от слияния юаня и евро. Евранем пользовались в Европе, Азии и Северной Африке. Главным конкурентом Евраня был Международный доллар (моллар), которым пользовались в обеих Америках, Австралии и Океании. Они были свободно конвертируемыми, ходили по всему миру и даже курс был почти одинаковым. Наличные практически канули в прошлое, уступив место электронным деньгам и бездокументарным ценным бумагам. В отсталых странах до сих пор использовали и доллары, и евро, и рубли, но это безвозвратно уходило.

Собственно говоря, за половину двадцать первого века человечество не так уж сильно изменилось. Не было сделано ни одного великого открытия в науке. Регулярные полеты людей на другие планеты так и не стали реальностью. Космические программы стоили слишком дорого, так что Луна, а тем более Марс, оставались недостижимыми для хомо сапиенс. Люди по-прежнему воевали в локальных конфликтах, выкачивали заканчивающиеся природные ресурсы и озверело старались обогатиться. Единственным революционным событием были ТТВ19 — чудесные таблетки, благодаря которым люди не старели и практически не болели. Создателем таблеток считался Гордон Браун,

занимавший в «ЮФИ» пост вице-президента. Это открытие сделало его из рядового ученого совладельцем компании и сказочно богатым человеком.

— Гол!!! — радостно заорал голос из динамиков. Уже на первой минуте второго тайма полузащитник Легии открыл счёт сильным и точным ударом метров с сорока. Вратарь, не ожидавший такого развития ситуации, совершил отчаянный, но запоздалый прыжок и до мяча не дотянулся. От этого гол получился ещё более красивым.

Войцех довольно улыбнулся и хлопнул по ладони соседа справа за барной стойкой, который также болел за Легию. Но радость парня прервал неожиданный телефонный звонок. Он тяжело вздохнул и с неудовольствием ответил. В динамике звучал строгий, но одновременно испуганный голос начальника его медицинской бригады:

— Подольски, приезжайте срочно в больницу! Тут такое!

— А что происходит? — спросил Войцех, который совсем не хотел сейчас работать.

— Три случая аналогичных вчерашнему! И есть подозрения ещё на пять! Срочно, я сказал! За оплату сверхурочных не беспокойтесь.

Подольски залпом допил пиво, вытер губы рукавом и направился к выходу. Перед самой дверью он оглянулся на экран и увидел, что один из футболистов лежит на газоне, корчась в конвульсиях. Вокруг столпились другие игроки и медики. Кто-то сделал звук громче. Голос комментатора недоуменно бормотал в эфире:

— Не понятно, что с ним случилось, но видно, что ему очень плохо... А ведь не было никакого столкновения, на повторе мы видим, что он просто падает и начинает дёргаться всем телом...

Войцех выскочил из бара и стремительно помчался к метро.

* * *

Марсель Англома спал отвратительно, ему снились языки пламени, охватывающие всё вокруг, а когда у него загорелись руки, он проснулся в холодном поту. Так плохо ему никогда не было. Часы показывали половину четвертого утра. Он с трудом поднялся и подошел к окну. Как обычно фонари не горели, где-то лаяли бродячие собаки, нищие копались в мусоре, вдалеке раздалась пара выстрелов. В общем, типичная картина для жителя окраины Руанды. Марсель включил телевизор, чтобы хоть немного успокоиться. Древний «Панасоник», которому было уже лет тридцать, засветился и выдал круглосуточный новостной канал Анголы. Красивая кудрявая ведущая, сияя ослепительной белозубой улыбкой, рассказывала, как ангольская народная армия под командованием героя — генерала Мусаи — добывает войска бывшего президента Джомоа (свергнутого три месяца назад) на юге страны.

А потом началась реклама. Даже в Африке, раздираемой многочисленными военными конфликтами, погибающей от голода и недостатка воды, реклама особенно не отличалась от показываемой в Европе.

— Купите новый «Тайонда»! Управляйте дорогой!

— Наши чипсы самые хрустящие! Целых десять процентов натурального картофеля!

— «Блэк Спайс» — истинный аромат настоящего мачо. Любая женщина станет вашей, почувствовав этот запах!

— Кроссовки «Айк» с ускорителем бега! Стометровка за восемь секунд — без проблем!

И, конечно же, ТТВ19. Куда же без них.

— ТТВ19! Революция в мировой науке. Секрет вечной молодости! Всего за тысячу евраней — одна таблетка. Хотите жить вечно? Это возможно! ТТВ19 — наш выбор!

Марсель улыбнулся. Он пробовал ТТВ19 только раз, около двадцати лет назад, когда учился в Москве, в Университете Дружбы Народов имени Уго Чавеса. Тогда они с

друзьями ограбили какого-то богатенького мажора и в его сумке нашли, помимо прочего, упаковку этих чудо-таблеток, целых десять штук. В то время это было самое новое и обсуждаемое научное открытие, которое стоило баснословных денег. Каждый взял себе по таблетке, а остальные они продали на одном из рынков за четверть цены и потратили деньги на ночные клубы, женщин и выпивку. Свою таблетку Марсель берёт долго, до того случая, когда запущенная вирусная инфекция вызвала осложнение в виде сильнейшего воспаления легких. Тогда одна съеденная ТТВ19 спасла ему жизнь. Вот бы сейчас ещё одну... Мужчина застонал от боли, опираясь на стену дошёл до дивана и рухнул на него, потеряв сознание.

Через какое-то время Марсель очнулся, с трудом сумел подняться и сесть. Его лихорадило. Он взглянул на свои руки, увидел как они иссохли, а кожа сморщилась. Марсель немного отклонился в сторону большого треснувшего зеркала и увидел в нём вместо своего отражения какого-то худого старика с белой от седины головой.

А за окном начинался новый день.

* * *

Профессор Милявский оглядел студентов, собравшихся в аудитории для сдачи экзамена по теории государства и права. Впрочем, студенты не видели направления его взгляда, так как глаза были скрыты непроницаемыми затемненными очками, которые представляли собой неотъемлемую часть образа профессора. За время сессии Милявский уже сумел заработать больше десяти тысяч еваней, однако ему хотелось больше. Хотя... впереди были ещё пересдачи, которые как раз и были основой прибыли профессора. Вот очередной студент, Роман Жуков, бледный от волнения, присел за стол перед Милявским для ответа.

— Политический режим характеризует методы воздействия государства на общественные отношения...

Милявский не слушал, он думал о том, как построит на своем дачном участке каменную беседку для шашлыков и второй гараж для новой машины.

— Василий Васильевич? — студент уже закончил ответ и сидел, вопросительно глядя на профессора.

Милявский презрительно взглянул на парня из-под очков и начал свою любимую игру, в которую играл со студентами уже лет пятьдесят.

— А... ну а в чём суть этого вопроса?

— Я же только что рассказывал...

— Нет, поясни, в чём важность этой проблемы?

— Ну как же! Я же...

— Вот ты всё это говорил-говорил. Но вот чем это значимо для науки?

Студент ошалело хлопал глазами, пытаясь понять, чего хочет от него профессор. Конечно, на самом деле профессор хотел получить хотя бы пятьсот еваней на пересдаче, но напустил на себя умный вид и строго смотрел на парня.

— Иди, почитай, тебе самому интересно станет, — снисходительно произнес наконец Милявский.

— Но...

— Иди, иди, — повторил профессор, — увидимся на пересдаче.

Роман вышел из аудитории с опущенной головой, мысленно всячески проклиная профессора.

Все знали, что тот преподает в университете долгие годы, нагло и не таясь берёт взятки практически со всех студентов. Конечно, имея столько денег, он наверняка принимал ТТВ19, эти чудесные таблетки, практически с момента их появления в продаже, поэтому выглядел словно законсервированный и не испытывал никаких проблем со здоровьем.

Все уже привыкли к тому, что профессор постоянно менял девушек, среди которых были и его студентки, и девчонки с других факультетов, и просто те, которые ему нравились. Да они и сами были рады с ним встречаться, поскольку он не только тратил на них значительные суммы, но и за особые заслуги покупал им ТТВ19, чтобы они оставались такими же молодыми, здоровыми и красивыми, пока ему не наскучат.

Вот и сегодня после экзамена Милявский прошел по университетскому двору Всесоюзного Университета, обнимая Ромкину однокурсницу — красивую блондинку Ольгу Белову, которая была с ним уже пару месяцев. Роман одиноко сидел на скамейке напротив стоянки, курил и провожал парочку мрачным взглядом. Ясное дело, что она встречалась с этим старпёром только из-за денег, и её это видимо устраивало. Ну а с другой стороны, что плохого в желании девушки жить красиво и использовать для этого все возможности? Не таскаться же ей со своими сверстниками по дешёвым кафешкам и кино, получать в подарок три розочки и бижутерию, а сексом заниматься пока родителей нет дома... Роман злобно усмехнулся. В принципе, такая практика, когда молоденькие девчонки фактически продавались состоятельным мужичкам, за последние десятилетия стала настолько обыденной, что в другой ситуации не привлекла бы Ромкиного внимания, но сейчас в его душе всё переворачивалось, потому что Олька ему очень нравилась. От мыслей о том, что этот старый, пусть и хорошо выглядящий тип творит с ней в постели, парня покорёжило, и он обратил внимание на лежащий в паре метров кирпич.

А в самом деле, что ему было терять? Всё равно Милявский никому не ставит за знания, а денег, чтобы дать ему взятку, найти было просто нереально. Конечно, может быть мать и устроилась бы на третью работу, но он бы себе этого не простил. Можно ещё взять перерыв в обучении, заработать за три-четыре месяца нужную сумму и заплатить продажному профессору, однако Ромка эту мысль отогнал от себя. В конце концов, зачем ему нужна эта учёба? Честному юристу всё равно много не заработать, а кому нужна работа, не приносящая денег? Уж лучше бритым наголо маршировать в казарме, тем более, что армию власть последнее время всячески обласкивала своим вниманием, прикармливая её, как последний рубеж защиты своего режима.

Тем временем Милявский с подругой сели в его новенький чёрный внедорожник. Роман решительно подобрал кирпич и огляделся по сторонам. Вроде никого не было. По крайней мере, он никого не увидел. Когда машина была уже в непосредственной близости, парень замахнулся кирпичом, но в последний момент сдержался. Это был бы глупый поступок. Камеры же всё видят, а значит его найдут, заставят платить ущерб, а то и дело уголовное завести могут. Мысль о слезах матери остановила Ромку от ошибки.

— Чтоб ты сдох, мразь, — молодой человек прошипел с ненавистью, глядя вслед резко рванувшемуся внедорожнику.

Сразу после этих слов машину швырнуло в сторону, потом в другую, затем она развернулась и понеслась обратно — прямо по направлению к главному входу. Точнее, она ехала совсем не прямо, а постоянно виляя, но неизбежно приближаясь к парадной лестнице университета. На скорости джип влетел по ступенькам вверх и разнес стеклянные двери учебного заведения. Остановить движение безумной машины смогла только бетонная стена фойе. Ромка сразу бросился к месту столкновения и оказался там даже быстрее уже успевшего после начала смены налакаться охранника, растерянно хлопавшего глазами.

К счастью, дверь с пассажирской стороны с усилием, но открылась, и Роман увидел, что Ольга, на первый взгляд, серьёзно не пострадала. Всё-таки системы безопасности в хороших машинах уже многие годы делали с умом. Парень сумел вытащить девушку и осторожно положил её на пол, подсунув под голову свой пиджак.

А на водительском сиденье, уткнувшись носом в подушку безопасности, скрючилось ненормально высохшее тело профессора Милявского, который тоже вроде был

без серьезных травм, но жизнь стремительно покидала его. Обезумевший взгляд мужчины блуждал где-то далеко, а с губ срывался какой-то звериный хрип. Так он и умер.

Было тихо. Охранник стал вызывать экстренные службы. Ольга слабо застонала и попробовала пошевелиться, приоткрыла глаза.

— Лежи, лежи, — прошептал Роман, — я рядом, всё будет хорошо.

Прибывшие медики установили, что Ольга отделалась лишь многочисленными ушибами и переломом левой ноги, профессор и вовсе не получил от столкновения серьезных повреждений, а умер по другой причине. И по лицам врачей Рома понял, что это не первая смерть, наступившая таким образом, которую они видят.

* * *

На расширенном заседании руководства «ЮФИ» присутствовали её вице-президент Гордон Браун, три члена президиума, а также представитель правительства Европейского Содружества Дик Крюгер и сенатор Маккейн.

— Скажите, Гордон, неужели вы не тестировали эти таблетки перед тем, как выпустить их на рынок? — вкрадчиво спросил Маккейн.

— Конечно тестировали, но кто же мог знать, что их действие проявится только через двадцать три года. Первая тестовая группа замечательно себя чувствовала на протяжении целых восьми лет. Правда потом все они, все девять человек, разбились на самолете при посадке в Майами. Но компания решила, что и восьми лет достаточно. Затем протестировали ещё пару лет на нескольких тысячах людей. Вы понимаете? Никаких побочных эффектов! Только плюсы. Мы же изначально создавали ТТВ19 для лечения болезни Паркера, а это страшнее рака и СПИДа вместе взятых! Да я и сам жрал эти поганые таблетки на протяжении двадцати лет! Мне жить осталось чуть больше трёх!

— Зачем вы их вообще придумали?! — взревел Дик Крюгер.

— Ха! — глаза Брауна гневно и презрительно посмотрели на чиновника. — Да если бы не эти таблетки, то весь земной шар был бы давно охвачен эпидемиями, не считая эффекта молодости... Да вы бы сейчас были дряхлым дедом, может даже с мочеприёмником в кармане! ТТВ19 позволили выжить сотням тысяч людей. Да, они не всегда излечивали навсегда от какой-либо болезни сразу, но позволяли ослабить вирус и делали возможным традиционное лечение. А неоднократно их принятие позволяло поднять иммунитет людей на недостижимые иными способами в ближайшие лет сто высоты!

— И что, нет никакой надежды? — Крюгер немного смягчил тон.

— Нет! И её не будет! Это не вирус, не бактерия, это что-то непостижимое для нашего разума. Вы просто резко стареете через восемь тысяч шестьсот пятьдесят восемь дней после принятия первой таблетки. Организм этого не может перенести, и человек умирает в жутких муках. Никакая терапия не помогает. Поверьте мне, мы использовали самые продвинутые технологии! Представьте себе, эти проклятые таблетки родители давали детям как лекарство. Даже в развивающихся странах почти все хоть раз в жизни съели хотя бы одну таблетку. Вы же помните эту глобальную благотворительную программу? Гуманитарная помощь была таких объёмов, что на каждого жителя Африки, Азии и Латинской Америки по статистике пришлось две-три таблетки. Ну, спишем на коррупцию треть, которую разворовали, но тем не менее.

— И что же ждёт нас, если не найти противоядия? — сенатор Маккейн злобно сверлил взглядом побледневшего Брауна.

Гордон уже думал над этим, поэтому ответил почти сразу:

— Обобщить всю информацию я пока не смог, но с уверенностью могу сказать, что людей, которые ни разу в жизни не пробовали ТТВ19, около двухсот миллионов. Причём это достаточно разношерстная публика. Согласно данным ООН, более двух миллиардов таблеток были распространены в отсталых странах, то есть, этих людей мы

вскоре похороним. Около одного миллиарда являются постоянными клиентами «ЮФИ» — их тоже вычеркиваем. Всемирный Центр Общественного Мнения в прошлом году установил, что восемьдесят шесть процентов жителей планеты пробовали ТТВ19. Армии всех стран мира раз в год давали их своим военным, а детям делали прививку на их основе сразу после рождения.

— А кто же останется, Гордон?

— Прежде всего это коренные малочисленные народы, ведущие традиционный образ жизни: чукчи-оленьеводы, буряты, карелы... горцы, дикие племена Южной Америки, Океании, немного индейцев, бедуинов, ну и аналогичные народности. Они уже многие годы ведут замкнутый образ жизни и никогда про эти таблетки не слышали. Наверное, они даже не заметят, что все остальные умерли. Помимо этого останутся некоторые служители религиозных течений, в основном монахи-христиане в монастырях, буддийские, индуистские... Люди, которые в силу своей веры отказывались принимать ТТВ19, видя в том искушение и сопротивление воле Бога. Однако многие, наоборот, видели в этих чудо-таблетках благодать и, посещая храмы, принимали их регулярно. Города вымрут почти все. Только беднейшие останутся, так как они не имели возможности купить ТТВ19. Конечно, некоторые их воровали, но у большинства было желание лишь добыть себе еды.

— Вы хотите сказать, что человечество не обречено на вымирание? — спросил Крюгер.

— Нет, перечисленные мной категории людей будут жить так же, как и раньше, кроме того, родятся же новые дети, которым не будут давать эти проклятые таблетки. Вопрос в том, как общество переживёт смерть огромного количества человек в относительно сжатые сроки.

— Нужно изъять ТТВ19 из продажи и вообще уничтожить их запасы! — прорычал Маккейн. — И рекламу запретить! Но пока не будем говорить людям всей правды, может быть ещё будет найдено лекарство.

— Не обнадеживайте себя, мистер, — отрезал Браун, — в нашей лаборатории собраны лучшие специалисты в мире и они не смогли решить эту проблему. Я ещё буду пытаться, но шансов практически нет.

— Да как вы вообще придумали эту дрянь!? — взревел Маккейн.

— Это сложно объяснить, и я сейчас не собираюсь этого делать, — отмахнулся Браун.

— Нет уж, — сенатор вытащил из-под стола пистолет и навел его на ученого, — рассказывай нам всё!

— Вы угрожаете смертью человеку, уже обреченному умереть? — усмехнулся Браун.

— Три года на кону как-никак, — ощерился Маккейн.

— Вы всё равно не поверите.

Гордон вопросительно посмотрел на трёх членов президиума — дряхлых морщинистых стариков. Они переглянулись между собой и закивали головами.

— Скажи им, — прошамкал первый.

— Пусть узнают, — сильным голосом добавил второй.

— И удивятся, — хмыкнул третий.

Гордон Браун достал из портфеля и положил на стол небольшой чёрный кубик размером чуть больше пачки от сигарет, помещенный в полиэтиленовый пакетик.

— И что это? — хмыкнул Маккейн.

— Источник ТТВ19, — коротко ответил Браун. — Этот камешек нашли рядом с местом падения Антарктического метеорита около тридцати лет назад.

— Вы хотите сказать, что из этой штуки делали таблетки? — с недоверием сказал сенатор.

— Не совсем, — покачал головой Гордон, — я сейчас продемонстрирую.

Он подошёл к шкафчику, вытащил из него маленький аквариум с водой, поставил его на стол и опустил кубик в воду, предварительно вытащив из полиэтилена.

В ожидании все столпились вокруг. Через пару минут из предмета стала интенсивно выделяться слизь тёмно-красного цвета. Она быстро заполнила аквариум и прекратила дальнейшее расширение.

— В общем, — прервал молчание Браун, — именно из этого выделенного вещества сделана основа ТТВ19.

— Хрень какая-то, — пробурчал Крюгер, — нас пичкали инопланетной жижей!

— Получается, что все таблетки в мире, то есть их основа, произведена из этого маленького кубика? — спросил Маккейн.

— Угу, — кивнул Браун. — Только этих предметов тринадцать. Все они были найдены в районе падения метеорита. Больше таких нет. Предметы абсолютно идентичные по тем характеристикам, которые мы смогли измерить: плотность, масса, размеры. А вещество они выделяют только будучи помещёнными в воду с весьма любопытным процентом содержания соли.

— И что это за любопытный процент? — ухмыльнулся Крюгер.

— Шесть целых, шестьдесят шесть сотых и ни тысячной меньше или больше.

— Чертовщина какая-то! — сказал Крюгер и выругался. — Вы наверное совсем тронулись умом, а я вместе с вами, раз выслушиваю эти бредни про метеориты и дьявольские числа. Вы же учёный!

— А я и не придавал раньше этим числам никакого значения, — отмахнулся Браун, — но последние события даже меня заставили взглянуть на мир несколько по-другому. Три шестерки фигурируют во многих предсказаниях конца света и сатанинского промысла, но вопрос всегда заключался в том, где их искать.

Остаток дня прошел в детальных обсуждениях планов на будущее, которое ещё утром виделось в смелых мечтах бесконечным, а сейчас неотвратимо нависло над человечеством. В ходе споров Маккейн всё же нечаянно выстрелил из своего пистолета в стену, за что получил затрещину от Крюгера, а Браун с трудом сумел их разнять. Только три члена правления хранили абсолютное спокойствие и лишь время от времени бросали какую-нибудь уточняющую реплику.

***

Уже примерно через полгода девять миллиардов населения Земли стали катастрофически быстро уменьшаться. За первую неделю «Предельного кризиса», названного так доктором Брауном, в день умирало по пятьдесят-сто миллионов человек. Люди буквально сгорали как бенгальские огни. В отчаянии они бросились в церкви, ожидая божественного спасения, но нередко были случаи, когда впоследствии находили их иссушенные тела прямо перед алтарями. Люди умирали и в Мекке, и в индуистских храмах, и в палатах элитных клиник.

Однако даже в этой череде ужасных смертей была какая-то справедливость. Количество съеденных при жизни таблеток напрямую влияло на силу предсмертных мук. Многие бедняки, которые только раз пробовали ТТВ19 или были привиты вакциной, умирали тихо, даже во сне, практически безболезненно. Зато «элита общества» — миллиардеры, высшие чиновники, политики, криминальные боссы, торгаши, звёзды шоу-бизнеса и им подобные испытывали воистину адские мучения. И никакие деньги не могли спасти их от неминуемого конца или ослабить боль.

Когда уже нельзя было скрывать правду о причинах массовых смертей, мировые правительства сделали соответствующие заявления. Почти никто им не поверил. Рассказы о каких-то прилетевших из космоса метеоритах не впечатлили народ, посчитавший, что истину от него как всегда утаивают. Это спровоцировало ещё больший хаос, вспышки

грабежей и насилия. По опустевшим городам бродили отряды мародёров и разбойников. Государства формально ещё существовали, но реально не могли обеспечить порядок даже на небольших территориях.

Но самым страшным ударом стало то, что дети, рождённые от родителей, один из которых принимал ТТВ19, тоже несли в себе механизм отложенной и неминуемой смерти в предназначенный час. Это была настоящая катастрофа, предвещавшая закат человечества.

Несмотря на это, не все опустили руки и поддались панике. Наиболее развитые страны сумели объединить людей, сохранивших остатки разума и человечности. Они создали небольшие «оплоты», в которых сосредоточили своих лучших специалистов, передовые технологии и запасы необходимых ресурсов.

Гордон Браун трудился ночами напролёт в своей лаборатории, но все его попытки разгадать принцип воздействия препарата на геном человека не давали никаких результатов. В часы редкого отдыха от главной работы он сумел соорудить микрочип, который, будучи вживлён в организм человека, мог точно определить оставшееся до его смерти время.

Теперь на его руке всегда светилось маленькое табло с обратным отсчетом. Когда начали истекать последние сутки, Гордон собрал в конференц-зале немногих оставшихся своих специалистов и провел с ними последний брифинг.

— Все наши попытки оказались безрезультатными. Видимо, наш разум не в состоянии пока постичь тайну.

— Но ведь есть в мире один человек, который не умер! Значит надежда остается! — воскликнул один из ассистентов.

— Конечно, мистер Англома — действительно удивительный случай. Человек вмиг постарел, но после этого все процессы в его организме замедлились. Мы провели на нём сотни опытов, но так и не установили, в чём заключается его уникальность. Что ж, я надеюсь, что вы продолжите исследования и после моей смерти.

— Да ведь в том и дело, что этот Марсель ничем не отличается от других людей, но когда мы вживили ему изобретённый вами чип, то часы сразу показали нули, а он живёхонек!

— Я даже подозреваю, что он теперь даже бессмертен, — ухмыльнулся Гордон, — но эту загадку вам предстоит решить без меня.

— Тяжело жить со знанием того, что скоро умрёшь, — вздохнул кто-то.

— А вот здесь ничего не поменялось, — улыбнулся Браун. — Люди всегда знали, что они умрут. В нашей психике изначально заложен механизм, позволяющий противостоять этому знанию. Тысячи лет люди жили, смирившись с неизбежностью смерти. Разум лишь цеплялся за иллюзорные надежды на то, что смерть произойдет не сейчас и не с тобой конкретно. Теперь нам всем предстоит смириться не только с её неотвратимостью, но и с предопределённостью её момента.

В зале царило мрачное молчание.

— Прощайте, друзья мои, — тихо сказал Браун, — все мы уйдем, но первая задача ученого — сделать так, чтобы человечество продолжало жить. Неважно, сколько нам отпущено, можно и за день перевернуть мир или его погубить.

Браун вышел, закрылся в своем кабинете и умер, крича от боли, точно в тот момент, когда на табло высветились четыре нуля.

* * *

«Часы Брауна» стали неотъемлемой частью жизни людей, ведя постоянный отсчёт времени, оставшегося им до конца. Их вживление стало обязательно, позволяло более грамотно распределять ограниченные людские ресурсы на необходимые посты. Было

очевидно, что не имело смысла переучивать человека на другую специальность, если ему оставалось жить лишь пару месяцев.

В одном из сохранившихся «оплотов», названном Новым Новгородом, Рома Жуков готовился стать отцом. К счастью, в плане родов медицина смогла добиться значительных успехов и обеспечить почти стопроцентную гарантию рождению здорового малыша, причем практически безболезненно для его матери.

В ожидании этого столь радостного события Роман шагал взад-вперед по коридору приемного покоя и нервно смотрел на свои обычные часы, а пару раз даже взглянул и на жизненный таймер. Юристом он так и не стал, так как обществу гораздо нужнее были технические специалисты, поэтому ему пришлось пройти программу обучения работы с электрооборудованием. Ольга стала его женой уже здесь, в «оплоте», куда они добрались, преодолев немало трудностей погрузившегося в хаос мира. Он не мог с уверенностью сказать, что она любит его, но вместе им было хорошо, а ещё она вот-вот должна была родить ему ребенка.

— Ваш малыш, — раздался приятный мужской голос с явным польским акцентом, — поздравляю!

Погрузившийся в свои мысли Роман и не заметил, как к нему подошел медик, державший в руках сверсток с новорождённым.

— Ну что вы остолбенели, папаша?! Принимайте сыночка, — улыбнулся мужчина.

— Спасибо, — только и сумел проговорить парень.

Роман осторожно взял на руки завернутого в белоснежное одеяние сына и посмотрел на его умиротворенное спящее личико. И хотя он знал, что доживет лишь до времени, когда эта кроха только начнет бегать, он чувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

— Ваша жена ещё спит, но через три часа уже сможете её увидеть, — продолжил медик, — и ребенок будет с ней. Всё прошло очень хорошо, без каких-либо проблем.

Роман оторвал взгляд от сына и поднял глаза на врача. Его лицо было очень знакомым, причем ещё до «оплота». Хотя, учитывая население всего около десяти тысяч жителей, он мог видеть его и здесь. И вдруг парень вспомнил.

— Погодите, ваша фамилия ведь Подольски? — спросил Роман.

— Конечно, у меня же на халате это написано, — улыбнулся медик.

— А ведь это вы тогда перед началом всей этой катастрофы дали развернутое интервью для международных независимых новостей, где рассказали о масштабах происходящего? В Варшаве дело было? Тогда правительства еще молчали...

— Я, — хмыкнул Войцех. — Меня потом выгнали с работы за распространение панических настроений. Ну ничего, сейчас я здесь и весьма этому рад.

— Можно я сам отнесу сына в кроватку? — спросил Роман.

— Можно, сегодня моя смена, а я — добрый! — рассмеялся Войцех.

Они шли рядом по длинному белому коридору, и Роман на мгновение посмотрел на тыльную сторону ладони доктора, где на дисплее уже стартовал отсчёт последних суток его жизни. Несмотря на это мужчина был в хорошем настроении и даже свой последний день старался провести с пользой, помогая родиться новым маленьким гражданам мира.

Но в ручку новорожденного малыша уже был тоже вживлен маленький таймер, на котором стремительно и неумолимо бежали в обратном отсчете секунды из отведенных ему 8658 дней жизни. И вся жизнь с этого момента должна была протекать с оглядкой на эти секунды. Это был новый мир, мир таймера.

Лес только на первый взгляд казался непроходимым. Сквозь заросли кустарника, неаккуратно цепляясь за ветки деревьев, двое волокли большой сверток, очень напоминающий человеческое тело. Время от времени их ноша начинала активно дергаться, удержать её в руках стоило больших трудов.

— Осторожней несите, вахлаки, — наконец не выдержал и пробасил третий — коренастый мужчина высокого роста, он расчищал дорогу большим тесаком.

— Да она же извивается как угорь болотный, — пожаловался один из несущих живой сверток.

— Вы что, одну бабу вдвоём не можете держать крепко!?! — вспылil здоровяк.

— Не кипятись, Елисей, доставим её пастору Евграфию в лучшем виде.

— Заткнись, Федот, — произнес третий из спутников, — лучше смотри под ноги.

— А сам-то, Трофим? — хмыкнул Федот. — Кто из нас в кусты совсем недавно загремел?

— Хватит болтать, — прервал перебранку Елисей, — уже пришли.

На краю поляны стоял добротный деревянный дом, окруженный высоким мощным частоколом. Елисей отодвинул потайную щеколду, во двор зашли через скрытую в заборе дверь.

На ступеньках дома стоял и нервно теребил в нетерпении висящий на шее знак в виде пентаграммы толстый лысый мужчина. Это и был пастор Евграфий, глава секты сатанистов. Когда-то секта была влиятельной силой, имела несколько отделений, в ней состояло до шести тысяч человек.

Времена после «Предельного кризиса» их предки пережили тяжело. Все женщины постепенно умерли из-за болезней или жестокости своих сожителей. Вот и остались только пастор Евграфий и его паства, состоящая из троицы вернувшихся из лесу мужчин.

— Наконец-то! — выдохнул Евграфий при виде подходивших к нему Елисея, Федота и Трофима.

— Не гневайся, хозяин, — опустил голову Трофим, — запоздали.

— Ладно! Я смотрю — девушку доставили. Несите её в дом. В мою комнату.

— Будет сделано! — отозвался Елисей.

Вместе с Трофимом они затащили сверток вверх по лестнице и прошли в дальний конец дома. Евграфий открыл дверь к себе и жестом показал им положить пленницу на пол, устланный мягкими коврами.

— Она уже и не дёргается, — усмехнулся Трофим, — а поначалу я думал, что не дотащим.

— Что ты сказал? — насторожился пастор.

— Не дёргается... вроде...

Догадка пронзила мозг Евграфия. Он быстро опустился на колени возле свёртка и разрезал ножом путы. Внутри лежала девушка в обтягивающем чёрном комбинезоне. Её глаза были закрыты, губы сжаты. Пастор сразу схватил её руку, повернул к себе тыльной стороной... На маленьком вживленном в ладонь экране светились холодным светом четыре нуля.

— Вот те раз! — пробормотал ошарашенный Трофим.

— Тупицы! Болваны! — завизжал пастор. — Вы что, не могли посмотреть на её таймер?! Что вы так долго копались?! Как мы будем приносить сегодня жертву?!

— Да кто ж знал! — сложив на груди руки, заголосил здоровяк Елисей. — Мы же ночью на деревню напали, а потом весь день отсиживались в болотах.

— И за целый день не удосужились взглянуть?! — ещё сильнее завизжал Евграфий.

— Послушай, учитель, — осторожно вмешался Трофим, — а она же ещё тёпленькая, да и симпатичная какая! Можно я её возьму, да и ребята не откажутся.

Евграфий открыл рот, собираясь ответить, как вдруг сверху раздался вой сирены, звук хлопающих лопастей, и вся поляна залилась ярким светом прожекторов, разрезавшим вечерние сумерки. Большой квадрокоптер завис над домом, из открывшегося в нём люка полетели вниз тросы, по ним на землю быстро спускались люди в белой броне.

— А! Они нашли нас! — заорал Елисей, схватил автомат и выскочил из дома.

За ним выбежал Трофим, который сразу стал палить по приземлившемуся в стороне десантнику. Но очередь из «Калашникова» не причинила бронекостюму никакого вреда. Лейтенант Алексей Жуков ощутил лишь несколько резких толчков в бок. Он развернулся и буквально сжег из автоматического плазмомёта стрелявшего в него Трофима. Только кучка пепла и горелого мяса осталась от бандита. Пытавшегося скрыться в лесу Елисея точным одиночным выстрелом в спину уложил кто-то из бойцов. Федот остался в доме, отстреливаясь из станкового пулемёта. Но его удалось подавить плотным огнем трёх плазмомётов, которые сожгли и стену, за которой он укрывался, и самого стрелка.

Пастор Евграфий хотел было уйти через чёрный ход, но был подстрелен и лежал сейчас рядом с поленницей дров, скуля, как собака. Руку, в которой пастор до этого сжимал пистолет, сожгло раскаленной плазмой так, что остался лишь обгоревший кусок предплечья. Плазмометы были прекрасным оружием, новейшей научной разработкой, сатанисты не имели ни малейшего шанса.

— Лейтенант! — позвал Алексея один из бойцов. — Зайдите в дом, пожалуйста! Там жуть какая-то в подвале!

Слегка пнув Евграфия обутой в тяжелый ботинок ногой, чтоб не мешался, Алексей поднялся по ступенькам и прошел в дальнюю комнату, в полу которой находился люк. Из него уже наполовину вылез сержант Попов, сжимая в руке шкатулку.

Алексей открыл её и ужаснулся. Под крышкой лежали шесть отрубленных кистей женских рук. В ярости парень развернулся, пошел к Евграфию и без лишних слов со всей силы врезал ему по лицу. Тот отлетел в сторону, сплюнул выбитый зуб, взглянул на шкатулку в руках Алексея и заверещал:

— Вы прокляты! Прокляты! Нечестивцы!

В глазах пастора бесновался огонь безумия, лицо перекошилось от ненависти:

— Что, детишки, боитесь меня?! Ха-ха! Вы же все сдохнете скоро! Сколько вам осталось? Два-три года, а то и меньше! И ваши души он заберет себе!

Алексей смотрел на дергавшегося Евграфия и понимал, что да, перед ним был человек. У него бежала по венам кровь, билось сердце, он мог испытывать эмоции... Но сейчас парню не верилось, что это создание относится к одному с ним биологическому виду. Неужели в людях может быть столько ненависти?!

— Не могу видеть эту мразь! — выдавил он из себя наконец.

Двое бойцов потащили визжащего Евграфия к высокой ели, быстро перекинули трос через толстый сук и надели маньяку на шею петлю. Резкий рывок подбросил тело мужика вверх...

Когда всё закончилось, взвод десантников построился на поляне на фоне горящего дома. Большинству бойцов было на вид лет восемнадцать, только сам командир выглядел чуть старше.

— Вольно! — скомандовал Алексей.

Когда ребята расслабились, он продолжил:

— Спасибо всем за проделанную работу. Аня была нашим товарищем, и я рад, что никто из вас не отказался пойти со мной, невзирая на возможные санкции начальства. Да, её уже нет, но мы хотя бы спасли тело от поругания этими нелюдьми. И, кроме того, наконец-то нашли и зачистили это логово выроdkов, поклонявшихся рогатой нечисти.

Квадрокоптер взмыл в воздух и помчался по направлению к Новому Новгороду. Солнце уже вставало над горизонтом, так что на подлете к городу Алексей в очередной раз

залюбовался открывшейся картиной. По бокам утопавших в зелени широких улиц стояли белоснежные домики, черневшие крышами солнечных батарей. Возвышенность на севере вся была занята стройными рядами ветряков, над которыми парили огромные воздушные змеи. От большого озера на юге к городу тянулись два искусственных канала. А вокруг раскинулись правильные прямоугольники сельскохозяйственных полей. Сам оплот был огорожен высокой стеной, напоминавшей об ушедших в прошлое лихих временах.

Летательный аппарат завис над посадочной площадкой. Все его четыре винта синхронно замедлили вращение, уже через минуту он замер на земле, словно большая белая птица.

Десантники выгрузились и направились к ангару.

— Жуков! — крикнул подходивший техник. — Иди к капитану! Он действительно просил тебя к нему заглянуть.

Командиру роты – капитану Денису Орлову недавно исполнилось двадцать два года. Это был опытный вояка, уже пять лет обеспечивавший безопасность окрестностей Нового Новгорода. Алексей отчитался о своем самовольном рейде, стоя навытяжку, отчеканивая каждое слово.

— Ладно, не напрягайся ты так, лейтенант, — махнул рукой Орлов. — В общем, ты поступил правильно, но коптер фактически угнал. На тебя пилот жалобу написал, что ты ему пистолетом угрожал.

— Врёт! Я только на словах обещал пристрелить. Ну не мог я Аньку бросить...

— Да понимаю, — вздохнул Денис, — а я ведь предупреждал её, чтобы не ехала в эту деревню со своими медикаментами. Леса там беспокойные, местные так и норовят напасть, хотя конечно побаиваются. Благодаря твоей самодеятельности парой-тройкой выродков стало меньше. Какие же они всё-таки трусливые! К оплоту боятся приближаться на сотню километров, а в глухих местах осмелели.

— Евграфий оказался ещё более кровожадным маньяком, чем мы предполагали, — вздохнул Алексей, — у него в подвале нашли шесть отрубленных женских кистей рук. И на каждой был таймер...

— Что ж, хотя бы личности быстро установят, — пробормотал Денис. — Бедные девчонки! Ну вот зачем они стремятся за периметр оплотов!? Чем им тут плохо?

— Знаешь, капитан, я думаю, что во многом это связано с нашим ранним взрослением. Ты лучше меня понимаешь, что нас сразу готовят к самостоятельной жизни. Мы уже в двенадцать лет чувствуем себя взрослыми. Так хочется думать, что мы способны изменить мир... В шестнадцать нас уже не удержать. Девчонки сразу мчатся участвовать в гуманитарных миссиях, мальчишки хотят сражаться за правое дело и защищать слабых. Идеалы, сформированные за три поколения, не дают нам сидеть за стенами оплотов в комфорте и сытости. Ну, скажем так, большинству из нас...

— Наша задача — нести в мир знание и цивилизацию, — улыбнулся Денис, — но не всегда те, кому мы хотим помочь, понимают эту цель. И если они не хотят помощи, мы же их не уничтожаем, а вмешиваемся только в самых критических ситуациях. Хотя могли бы и почаще...

— Ну, Предельный кризис пережила очень разношерстная публика. Я имею в виду из тех, кто не принимал ТТВ19. Их потомки целый век хаотично жили и развивались, а в большей своей части деградировали. Очень сложно без насилия убедить их в ошибочности взглядов на жизнь. Убеждения, знаешь ли...

— Да к чёрту убеждения! Пусть живут как хотят, только зла не совершают. Неужели это так сложно? — с болью в голосе произнес Денис.

— В последние десятилетия какие-то особо ужасные вещи творят лишь самые отъявленные маргиналы, — проговорил Алексей. — Ничего, вот с ними мы договариваться

не будем. — Он вспомнил сожженный дом пастора Евграфия, трупы сектантов и уверенно добавил: «Мы с ними по-другому «говорить» умеем... Пришлось научиться».

— Да уж, иногда только жестокость может победить другую жестокость, — печально сказал Денис.

— Адепты секты Евграфия искренне верили, что человечество проклято. Они приносили жертвы людей с таймером, чтобы умиловать своего воображаемого чёрного владыку, — вздохнул Алексей. — Я по пути сюда читал записки этого полоумного пастора.

— Иногда я думаю, что некоторые люди так и остались на той же ступени развития, что и их далёкие предки несколько тысяч лет назад, — поставил точку в разговоре капитан. — Ладно, давай о текущих делах. Нужно Аньку похоронить по-человечески. Я посмотрел, у неё не было ни братьев, ни сестер. Ребенка, кстати, тоже так и не родила... Ты был с ней близок, вот и организуй церемонию.

— Хорошо, — вздохнул Алексей. — За последние полгода мы только раз виделись, но я всё сделаю. Сейчас позвоню в службу кремации.

Кремация давно стала официальным способом захоронения в оплотах. Причин к тому было несколько — от утилитарных, таких как экономия места, которое занимали бы кладбища, до эстетических. Всё же развеять прах над городом казалось гораздо более романтичным, чем запихнуть труп в ящик. Да и, честно сказать, своя жизнь была столь коротка, что не позволяла тратить время на память о чужой. Хотя в последнее время набирало силу движение сторонников посмертной заморозки мозга. Противники этой идеи считали её бессмысленной, ведь уже существовали основной и резервный банки образцов ДНК, отбираемых при жизни у каждого гражданина оплота.

День, когда специальный квадрокоптер поднимался в воздух и развеивал прах умерших по ветру, люди называли «днём ангельской пыли». Летательный аппарат менял свой обычный белый цвет на чёрный и кружил, подобно грифу, над убегающей в бесконечную даль равниной. Открывался люк и прах сотен людей разлетался на многие километры вокруг микроскопическими частицами, подхватываемыми и уносимыми ветром.

Новая система маскировки, которую использовали коптеры, позволяла им принимать практически любую окраску. Весь их корпус был покрыт сверхпрочным экраном, вполне подходящим даже для просмотра фильмов. В реальности же чаще использовали различные текстуры неба и облаков, так что в небесной синеве распознать летящую машину можно было только по размытым следам бешено вращающихся винтов. А ночью, используя бесшумный режим полета, квадрокоптеры перемещались вообще незаметно.

Тело Анны кремировали во вторник. На церемонии были Алексей, Денис, несколько самых близких друзей и сослуживцы. Маленькую урну с прахом увезли. А в воскресенье чёрный квадрокоптер взмыл в небеса. «День ангельской пыли» Алексей провел дома, глядя в безоблачную синеву и сжимая в руке фотографию, на которой Аня улыбалась, а он целовал её в щёку.

Глава 2. Новый мир

Очередной одинокий вечер Жуков проводил удобно усевшись в мягком подвесном кресле около своего дома. Ветер трепал листву на деревьях в палисаднике, солнце лениво уползло за горизонт. Алексей в очередной раз перечитывал толстую книжку по современной истории и географии.

В мире насчитывалось восемь крупных оплотов. Остальные мелкие поселения, где жили люди с таймерами, так или иначе были связаны с ними и являлись их составной

частью. На территории бывшей западной России расположился Новый Новгород, в Азии – Изгиб Хуанхэ и Китао, в Америках – Джефферсон, Колумбия, Сан-Себастьян и Санта-Маргарита. На земле Австралии находился оплот Силенд, а в Африке оплотов не было. Лишь племена аборигенов продолжали там жить, или потомки маргинальных слоёв общества копошились на остатках цивилизации.

Когда Гордон Браун предполагал, что население Земли сократится до двухсот миллионов – он ошибался. Реальность оказалась во много раз хуже. По крайней мере, через сто лет после «Предельного кризиса» планету населяли лишь около семи миллионов человек. Пять миллионов проживали на территориях, контролируемых оплотами, и, в подавляющем большинстве случаев, цикл их жизни составлял условные двадцать три года, а оставшиеся два миллиона были разбросаны по всему миру. При этом уровень развития общества вне оплотов зачастую уже не соответствовал даже XXI веку, а варьировался от первобытнообщинного строя до века XX. Впрочем, встречались и исключения.

Самыми большими оплотами были Китао и Джефферсон. В них проживало примерно по миллиону людей. А самыми малонаселенными считались Силенд и Колумбия, население которых едва превышало сто тысяч человек, что во многом было продиктовано их удаленностью и не лучшими климатическими условиями. Помимо ТТВ19 огромное количество людей погубили им же подобные. Миллионы сгорели в атомном пламени, принесенные в жертву последним амбициям исчезавших держав, ещё больше погибли от голода, холода и болезней, и многие – просто умерли, не успев оставить после себя потомства.

В настоящее же время естественная убыль населения в оплотах стабилизировалась, контролировалась, но пока что стояла цель сохранить численность человечества на одном уровне, хотя кое-где наметились тенденции роста. Данные по неохваченной оплотами территории были противоречивы и точно неизвестны, но примерное количество людей соответствовало официальной статистике.

— Лёш, привет! — раздался окрик.

Парень отвлёкся от чтения и увидел, что на дороге напротив стоят его соседи. Мальчишка и девчонка. Переехали недавно. Ребята были на велосипедах.

— Не хочешь покататься? Мы новые велики решили протестировать.

— Спасибо за предложение, но я что-то устал сегодня.

— Патрулировали? Всё спокойно вокруг?

— Да, но я бы всё-таки не рекомендовал удаляться от стен оплота слишком далеко.

— Ладно, — кивнул мальчишка, — мы уже взрослые. Я на военных сборах был лучшим в группе.

После этой фразы он деловито похлопал рукой по автоматическому пистолету, закреплённому в кобуре на боку, и украдкой взглянул на девчонку.

Алексей усмехнулся. Неужели всего несколько лет назад он был таким же. Хорошо, что действительно угроз за пределами оплота практически не было. По крайней мере тех, до которых легко добраться на велосипеде.

— В другой раз покатаемся, — махнул рукой Жуков.

Ребята попрощались с ним веселым перезвоном велосипедных звонков и покатали по улице в сторону окраины.

Алексей задумался, глядя даже не им вслед, а куда-то в пустоту.

По законам оплота человек становился полностью совершеннолетним в пятнадцать лет. С этого времени он мог вступать в брак, участвовать в выборах, служить в вооруженных силах и даже имел право покинуть стены оплота, чтобы жить своей независимой жизнью. Женщинам рекомендовалось родить до двадцати двух лет. И хотя это не являлось обязательным, почти все добросовестно следовали означенной установке.

Всю заботу о детях общество брало на себя. Можно было оставить ребёнка или отдать на воспитание в детский центр. Ситуации встречались разные. Например, если женщина рожала в шестнадцать, то она вполне могла ещё почти семь лет быть матерью и заботиться о своем малыше, видеть его первые шаги и самой подготовить его к будущей самостоятельной жизни. Многие выбирали такой путь, но многие и отказывались. Причем, их поступок не всегда был продиктован мелочными эгоистичными побуждениями. Просто люди думали по-разному.

Кто-то считал, что пусть ребёнок сразу растёт и не привыкает к родителям, которых точно не станет в его раннем детстве, а другие наоборот хотели дать своим деткам как можно больше тепла и ласки за те короткие годы, что были отведены им судьбой. Нужно отметить, что детство в новом мире тоже протекало иначе. Поскольку обществу требовались профессионалы для обеспечения жизнеспособности, то и детей готовили ко взрослой жизни раньше. Школа начиналась для них с пяти лет, и уже через три года делался выбор основного направления развития малыша, а фактически – его будущей специальности. До тринадцати лет человек овладевал базовыми навыками своей профессии и мог выполнять несложные задачи. Очень малый процент населения так и останавливался на этом этапе обучения, а большая часть занималась углубленным изучением своего дела, чтобы к семнадцати годам быть полностью готовыми специалистами.

Алексей тряхнул головой. Где-то вдалеке гремел гром. Показалось даже, что мелькнула зарница.

— Хозяин, пусти на огонёк! — у калитки стоял друг Алексея, Дмитрий Белый.

— Привет! А ты что, уже закончил репетицию?

— Не совсем. Исполнитель роли Одиссея ногу сломал... Мы так, быстренько пробежали по сценарию и разошлись.

— Понятно, всё Древней Грецией балуетесь. Какао будешь?

— Я сам удивляюсь. Такая древность, но актуально и по сей день. И народ интересуется. Наливай, — произнёс Дима, проходя по дворику и присаживаясь на скамейку рядом с Алексеем.

Театр буквально пережил второе рождение. Конечно, это был не тот высокопрофессиональный театр ушедшей эпохи с его вымуштрованными балетными танцорами, оперными певцами и вживавшимися в роль актерами. Новый театр деятели культуры прошлого презрительно называли бы «паршивенькой самодеятельностью». Но людям нравилось смотреть, прежде всего, на искренность игры любителей, которые делали это с душой в свободное от работы время и собирали значительные аудитории. Вот и друг Алексея – Дмитрий Белый, служивший с ним вместе три года, сейчас занимался написанием театральных постановок в последний год своей жизни.

Кино практически исчезло как вид современного искусства. Новые режиссеры моделировали в виртуальном мире всё, что было доступно их разуму и выпускали свои творения на суд зрителей. Но хорошие старые фильмы XX-XXI веков нравились достаточно многим. Люди собирались вечерами большими компаниями и частенько их пересматривали.

— А может тебе чего посущественнее предложить скушать? Ты ел вообще? Я могу пару брикетов достать. Рыбный вкус, говяжий, оленина... хоть медвежатина. Да у меня все добавки вроде имеются, — улыбнулся товарищу Алексей.

— Я пару пилюль по дороге сюда проглотил. Хочу просто выпить чего-нибудь горячего и сладкого. Потом, может быть, пару яблочек сорву у тебя. Что может быть лучше свежих фруктов! — ответил Дмитрий.

В новом мире практически пропала мясная кулинария. Проблема голода решилась в глобальном масштабе за счет синтеза полезных веществ и необходимых

витаминов в специальных пищевых пилюлях. По желанию им можно было придать различный вкус, а две-три таких пищевых таблетки с лихвой обеспечивали потребность человека в дневном запасе калорий. Да, это было вредно, но последствия такого питания могли сказаться только годам так к тридцати, что в сложившейся ситуации никого не пугало.

Готовили только по праздникам и важным событиям, но и тогда зачастую использовали вместо мяса ту же массу, что и для производства пищевых пилюль, придавая им соответствующий вкус разнообразными химическими добавками.

Существовали ещё поля традиционных культур, характерных для той или иной местности: их засеивали, обрабатывали и собирали урожай, но основу продовольственной безопасности они уже не составляли. Хотя, в мирные пейзажи очень хорошо вписывались плантации кукурузы, пшеницы, риса, плодовые сады и ягодные питомники. Выросший на них урожай в основном использовался для питания детей.

Мир оплотов не был полностью вегетарианским, в нём существовало меньшинство, которое выращивало кур, кроликов, даже коров. Но все эти люди растили их для своих потребностей, не имели возможности продавать излишки, и поэтому число мясоедов не увеличивалось, а неуклонно снижалось. Не существовало этих фактически концлагерей для всяческой живности, где несчастных тварей выращивали на убой в промышленных масштабах. Для большинства населения гораздо важнее было не тратить время на готовку и чревоугодие, а посвятить его духовному развитию или обустройству окружающей реальности в гармонии с природой.

Практически около каждого дома красовались маленькие огородики, росли фруктовые деревья и кустарники. Им не требовалось много внимания, зато дважды в год они с благодарностью одаривали своих хозяев свежими плодами.

Дом Алексея стоял на небольшой возвышенности, так что от него открывался прекрасный вид на оплот. Он разительно отличался от старых урбанистических пейзажей.

Радиоактивные бетонные руины мировых столиц, захламленные города-призраки ушедшей эпохи, служили суровым напоминанием всему человечеству о его склонности разрушать свой мир. И оно старалось не повторять прошлых ошибок.

Развалины помпезно-безвкусных дворцов стяжателей двадцатого века уже давно поросли бурьяном и кустарниками. И кто помнил их владельцев?

В оплотах не существовало проблем с жилищем. Каждый получал отдельный домик, пусть небольшой, но со всеми удобствами. До совершеннолетия в период учебы все жили в просторных корпусах общежитий. Семьям при рождении ребенка предоставлялась квартира, если они хотели воспитывать его сами. Размеры индивидуальных жилых блоков не были большими, но они имели все необходимые коммуникации и могли существовать почти автономно. Люди проводили в них не так уж много времени, потому что им нужно было торопиться жить.

Мой дом – моя крепость! Этот окончательно закрепившийся во времена феодализма принцип стал ещё одной тяжелой гирей на шею человечества. Сейчас он был уничтожен. Зачем сидеть в четырех стенах, когда вокруг живёт целый, открытый и ещё далеко не познанный мир? Ведь каждый гражданин точно знал, что ровно через определенное количество дней, в точно назначенное время он покинет этот мир навсегда.

— Никогда не задумывался о том, почему сейчас всё по-другому? — спросил Дмитрий.

— Нежели до «Предельного кризиса»?

— Да. Мне всегда казалось, что человечество вновь построит такое же общество, только в миниатюре. Опять будут бедные и богатые, прогресс станет служить средством обогащения...

Алексей немного подумал и ответил:

— Когда у сообщества людей есть цель, и цель эта не заключается в бессмысленном накоплении материальных благ, то такие люди индивидуально и коллективно отличаются от себе подобных, воспитанных в условиях якобы честной конкуренции и борьбы за свое место в придуманной ими же социальной иерархии.

— Ну, в принципе... Теперь у людей общий враг – время. Точнее люди осознали это по-настоящему. Многие изменилось. Впервые в новой истории человек не должен работать за деньги. Он работает, потому что ему это нравится или хотя бы он осознает важность и значимость своей деятельности. И тогда он делает её качественно. Ты же служишь оплоту бескорыстно?

— Да, ведь я понимаю, что нужно обеспечивать безопасность. Раньше органы правопорядка по большей части защищали интересы правителей мира, боролись с надуманными проблемами. Реальных врагов они сами побаивались или даже были с ними заодно.

— А сколько дармоедов, ничего не делавших для других, а лишь занятых сколачиванием капиталов оказались на обочине истории, — усмехнулся Дима.

— И вообще, насколько изменились человеческие отношения..., — задумался Жуков. Он вспомнил учебный курс обществознания.

В новом мире стали не нужны многие профессии. Поскольку рынок в его классическом капиталистическом понимании перестал существовать, то отпала надобность в наличии экономистов и тесно связанных с ними специалистов в смежных сферах деятельности. Мелкая бартерная торговля являлась чем-то вроде хобби, доступным любому, преследующим не цель обогащения, а удовлетворения потребностей людей. Да и само право собственности претерпело существенные изменения.

По законам оплота можно было не работать совсем. Не работающий гражданин всегда получал необходимую еду, одежду и жильё. Но работать хотели практически все! Это не было им в тягость. Каждый хотел научиться чему-нибудь и приносить пользу людям. Определенный процент тунеядцев существовал всегда, в любой экономико-политической системе, не только из-за индивидуальных особенностей человеческой психологии. На протяжении веков люди видели, как одни их собратья трудятся не покладая рук и всю свою жизнь выживают в нищете. И тут же они видели совершенно другие примеры: огромные капиталы, нажитые некоторыми личностями либо путем насилия, либо полученные от предков в наследство. Право собственности и свободный рынок, послужившие когда-то толчком к развитию человечества, методично и необратимо уничтожали души этого самого человечества, разрушая все представления о справедливости.

Да, первому поколению без денег жилось непривычно. Но зато их потомки уже практически освободились от рабского преклонения перед обычным клочком бумажки или металла, или виртуальной записью в электронном реестре имущественных прав.

Кроме того, обществу стали не нужны юристы. Законы оплотов были справедливы, гуманны и понятны каждому, хоть малость образованному человеку. За предшествующую историю людям уже достаточно успели надоесть все эти казуистические хитросплетения законов. Ибо что это за право, которое постоянно требует разъяснений и зачастую зависит только от точки зрения человека, занимающегося его толкованием? Такое право воистину является бичом в руке господина и обрушивается на спины и головы ему неугодных или безразличных, прикрываясь лживыми высокими идеалами.

Проблема одежды также решилась достаточно просто. С повсеместным использованием 3-D принтеров каждый мог сделать себе любую желаемую вещь из универсальных материалов. Всё ограничивалось лишь полётом фантазии творившего. Поэтому люди на улицах оплотов были настолько пёстрыми и индивидуальными, насколько им самим этого хотелось.

Личные автомобили по большей части канули в прошлое так же как и деньги. Только экстренные службы использовали специальные электрокары. Кроме того, для поездок за пределы оплота, да и по его территории, любой желающий мог взять комфортный вездеход. Но для перемещения по оплоту лучшим всё же являлся именно общественный транспорт. Кроме того, никуда не делись велосипеды, ролики, самокаты, которые дополнились парящими досками, спортивной обувью с ускорителями и другими новшествами.

Сообщение между городами осуществлялось посредством сверхнадежных скоростных авиалайнеров «Кондор», совершавших полёты от одного до трех раз в неделю. Чаще не требовалось, так как большинство вопросов можно было решить он-лайн, а между оплотами в пределах одного континента уже вовсю работала пневмопочта, способная доставить практически любой разборный груз.

Единая компьютерная сеть (ЕКС) охватывала все оплоты и служила для связи людей между собой, для хранения и поиска нужной информации, то есть за тем, для чего задумывался в давние времена Интернет.

«Мир таймера», царивший в оплотах был чересчур фантастичен, настолько, что человеку из прошлого он показался бы наивной сказкой, в пух и прах разбитой учеными-футурологами. Но он существовал и развивался по своим законам. А всё благодаря тому, что когда рушился старый мир, надорвавшись своей сложностью, нашлись в нём несколько сильных, могущественных, богатых, но добрых и благородных людей, которые пересилили себя, пересмотрели свои ценности и потратили последние годы для заложения фундамента этого нового мира. И одними из таких людей были трое членов президиума «ЮФИ», которые присутствовали на том знаменитом совещании доктора Брауна с Маккейном и Крюгером. История не озвучивала их имен и не говорила правды об их роли в произошедших событиях, но она всё помнила и однажды её архивы должны были стать достоянием человечества.

Алексей Жуков любил покопаться в архивах. Но в ЕКС можно было найти далеко не всё, поскольку оцифровке в свое время подверглось лишь около трёх четвертей информации. Старания парня добыть в доступных источниках побольше сведений о последних днях существования и руководстве «ЮФИ» закончились ничем. Однако, лейтенант Жуков знал одно место и живущего в нём человека, которого называл «ходячей энциклопедией». Пару лет назад их свёл случай. И с тех пор между любознательным парнем и мудрым стариком завязались дружеские отношения. Старика звали Нул Фрейтас и жил он в своем древнем поместье, не входящем в территорию ни одного из оплотов. Территориально оно находилось ближе всего к маленькому вольному городу Мальброку, примерно в тысяче километров от Нового Новгорода.

Специально взять квадрокоптер для такого полёта было бы непозволительной наглостью, тем более, после случая с Анной. Поэтому Жуков решил попроситься на борт пролетавшего мимо в пятидесяти километрах к северу регулярного рейса «Кондора» и воспользоваться аэрокрыльями для приземления.

— Дим, тут есть тема одна. В Мальброк не хочешь сгонять?

— Не близко... А что там?

— Помнишь старика Фрейтаса? Я тебе рассказывал.

— Конечно. Занятный персонаж. Такой старец-мудрец.

— Да. Это точно про него. Хотел бы с ним побеседовать. Предлагаю составить мне компанию. Заодно вспомнишь службу. Десантироваться будем.

Дмитрий с удовольствием согласился. Обратном они собирались тоже вернуться на «Кондоре», пилот которого пообещал зависнуть максимально низко на две минуты в оговоренное время над местом выброски на следующий день. Так что их небольшая прогулка не должна была никому помешать.

Глава 3. Пока смерть не разлучит нас

Техник электростанции Адриан Мунгу возвратился домой после рабочего дня. Сегодня его отпустили на целых два часа раньше, а завтра на работу можно было не выходить. Он приложил палец к замку и распахнул входную дверь. Ещё в подъезде Адриан почувствовал аромат жареной рыбы, и обоняние его не обмануло. На кухне слышались шум воды, звуки резки овощей и шипение масла на сковороде.

— О! Привет, милый! Ты уже вернулся! — радостно воскликнула жена, когда он заглянул в кухню из прихожей. — Обнять пока не могу, руки заняты, но поцелую с удовольствием.

— Здравствуй, Инга, — улыбнулся парень и чмокнул её в щёчку, получив ответный поцелуй в нос. — Ты сегодня тоже рано.

— Да я попросила коллегу, чтобы она за меня уроки провела после обеда. Так что дома я уже давно. Но всё равно не успела, — она нахмурилась.

— Зато какие вкусности ты готовишь! — облизнулся Адриан.

— Хоть это и ненастоящая рыба, но вкус у неё будет точно такой же! — пообещала жена.

Вечером они ужинали при свечах, танцевали под любимую музыку и смотрели старые фотографии. Конечно, был и секс... Белоснежные простыни, полумрак, тихие стоны, море нежности и ласки...

Потом они почти не смогли уснуть и просто лежали глядя в потолок.

Утром супруги Мунгу взяли машину, уехали в один из городских детских центров и провели там почти весь день.

На обратной дороге они не свернули к дому, а направились за город. Как и у каждой семейной пары, у них было своё любимое место – вершина небольшого холма, на которой раскинулся старый морщинистый дуб. Ещё пять лет назад Адриан повесил на его большой сук качели, которые висели здесь до сих пор. Инге очень нравилось на них качаться.

Она расстелила на мягкой траве клетчатый плед, достала корзинку для пикников, сэндвичи и сваренный вчера компот из ягод. Они неспешно поели и сидели рядом взявшись за руки, глядя на убегающую вдаль дорогу.

— Почему мы раньше не родили ребенка! — с сожалением в голосе произнесла Инга. — Было бы ему уже лет пять... Водили бы его в школу, на праздники ходили к нему. Представляешь, он бы прожил с нами целых пять лет!

— А что бы ты ему сказала сегодня? — спросил её муж.

— Не знаю... соврала что-нибудь, как и все.

— В пять лет они сейчас уже всё понимают. Их не обманешь. Нашему Мишке и двух-то нет ещё, а он так на нас посмотрел... как будто знает.

— Глазки такие умненькие..., — всхлинула Инга.

— Милая, успокойся, ничего же не изменишь, — мягко произнес Адриан. — Мы же регулярно его навещали в детском центре, даже домой с собой брали иногда. У нас очень хорошие люди работают в таких учреждениях. Они любят детишек, играют с ними, обучают. В любом случае, он знает, что мы – его родители. И хоть смутно, но запомнит нас.

— Угу, — только и смогла ответить супруга и зарыдала, уткнувшись носом ему в грудь.

— Не плачь, моё солнышко... не плачь. Мы же помним своих матерей и отцов, хотя росли в таком же центре. И нам это позволило лучше подготовиться к жизни и достойно её прожить.

— Да, — всхлипнула она, — я всегда пыталась увидеть что-то хорошее в таком жизненном укладе... По крайней мере, ни мы не хоронили своих родителей, ни нашим детям такого не предстоит. Наверное, это самое страшное, что может быть в жизни... В нашем мире мы свободны от такого, да и детская смертность нулевая...

Они так и сидели, обнявшись, прислонившись спинами к стволу векового корявого дуба. Оба впали в состояние сладкой полудремы. Солнце медленно закатывалось за горизонт, напоследок посылая им свои теплые лучи. Легкий ветерок шелестел ветвями и приносил с собой запах свежескошенной травы. Все слова были уже сказаны, поэтому супруги просто смотрели друг на друга полными нежности взглядами. В один момент Адриан вдруг почувствовал, как Инга до боли вцепилась в его руку, а через секунду её прекрасные карие глаза безжизненно застыли и уже не щурились от солнечного света. По щекам Адриана покатались крупные капли слёз. Он машинально посмотрел на тыльную сторону ладони правой руки жены... И, конечно же, там светились четыре нуля. Адриан размазал слезы по щекам и украдкой взглянул на свой таймер. Ему оставалось целых двадцать три минуты. Он осторожно опустил веки Инги своими дрожащими пальцами, прижал к груди её такое родное, ещё теплое тело, и просидел так до самого конца, зажмурившись в последние мгновения своей жизни.

Такие ситуации, когда оба супруга старались провести вместе свой последний день и умереть, держась за руки, были обычными для нового мира. Зачастую, люди старались найти себе спутника жизни ориентируясь не только на его привлекательность и личные качества, но ещё и на дату его смерти. Особенно «везучие» умирали вместе в течение минуты, а наиболее романтичной являлась, конечно же, одновременная смерть. В школе дети даже дразнили женихом и невестой своих сверстников с синхронно бегущими таймерами. Поскольку все уже знали о побочном эффекте ТТВ19, то принимали их только один-два раза в жизни. Механизм смерти и так был заложен в каждом человеке с рождения, так что полностью отказаться от употребления «бобов» было бы нецелесообразным. Поэтому обязательной оставалась прививка вакциной на их основе при рождении, а также принятие одной таблетки по достижении двенадцатилетнего возраста. При соблюдении этой дозы человек многократно усиливал свой иммунитет, а смерть была практически безболезненной и приходила словно сон. Конечно, ТТВ19 ещё использовали для лечения СПИДа, рака, болезни Паркера, и ещё пары самых страшных заболеваний, от которых так и не было придумано традиционных лекарств. И тогда, естественно, действовал принцип зависимости предсмертных мучений от количества съеденных таблеток.

Утром патрульный джип милиции нашел тела супругов Мунгу, застывших в их последнем объятии. Сержант Иванов и рядовой Шмидт, следуя служебной инструкции, проверили сканером их таймеры, инстинктивно взглянули на свои, обменялись невесёлыми взглядами и осторожно перенесли Ингу и Адриана в машину. Самим парням было по двадцать одному году, они оба уже женились и недавно стали отцами. Сегодня им пришлось доставлять в морг тела ещё двух семейных пар. Одних нашли на берегу озера, на точно таком же клетчатом плёде, как и чету Мунгу, а другие лежали на капоте машины и смотрели в небо. Джип бесшумно тронулся с места и помчался в сторону города. Жизнь продолжалась. Сегодня вечером всё внимание людей должно было быть приковано к финалу чемпионата мира по футболу, проходившему в расположенном относительно недалеко Сан-Себастьяне.

На регулярное заседание совета оплота Санта-Маргарита, назначенное на следующий день, Адриан, естественно, не смог явиться. Если бы он дожид до него, то узнал бы, что в Новом Новгороде собирается внеочередное совещание представителей всех оплотов. Но, что мёртвым до каких-то там совещаний...

Глава 4. Герой финала

Манозель Франциско де Насименту, более известный любителям футбола как Мале, мчался к воротам соперника. Парой хитрых финтов он оставил за спиной первого защитника, протолкнул мяч мимо второго и оказался один на один с бросившимся ему навстречу вратарём. За мгновение до сближения на минимальное расстояние Мале изящно подскочил «пятнистого друга», и тот по красивой дуге, слегка крутясь вокруг своей оси, перелетел через голкипера, чтобы затем удариться о дальнюю штангу и отскочить в сетку ворот. При этом форвард успел переступить оппонента и сумел остаться на ногах. Стадион взревел подобно океанскому грохоту. Мале победно вскинул руки, выпрямил указательные пальцы, а затем приложил их одновременно к губам. Тут же на него набросились партнеры по команде и образовали настоящую кучу-малу. Арбитрам стоило большого труда растащить футболистов и объяснить, что время ещё не закончилось и нужно продолжать игру. Да и соперники уже заняли свои позиции и были полны решимости отыграться.

Когда Манозель направлялся к центральному кругу, он сначала бросил взгляд на табло и с удовлетворением отметил, что благодаря его голу сборная Сан-Себастьяна выигрывала у сборной Санта-Маргариты в финале чемпионата мира по футболу за три минуты до конца основного времени 1-0.

Во всём новом мире не существовало противостояния более принципиального, чем соперничество вышеназванных команд. Хотя официально это был только второй чемпионат. Раньше людям длительное время было не до организации больших спортивных праздников. А теперь приняли решение проводить их каждые пять лет. Первый чемпионат выиграла как раз сборная Санта-Маргариты, разгромив в финале Сан-Себастьян. Тогда Манозель не смог помочь своей команде, поскольку получил серьёзную травму. Он со слезами на глазах смотрел игру со скамейки запасных, понимая, что больше такого в его жизни не будет. Ведь через пять лет он уже умрет... Но, к счастью для парня, федерация футбола приняла решение начать чемпионат на месяц раньше, чтобы избежать летней жары. И так получилось, что день финала как раз совпал с последним днём жизни Мале.

Манозель облегченно вздохнул, взглянув на свой таймер. Жить осталось пятнадцать минут... Может даже успеют провести церемонию награждения. Да, умереть с медалью чемпиона мира на шее – это ли не счастье!

Но судьба решила проверить Мале на прочность. Он даже не успел толком увидеть, как футболисты Санта-Маргариты провели молниеносную атаку левым флангом, которая привела к навесу на центр штрафной Сан-Себастьяна... И нападающий Армандо Батигол полностью оправдал свою фамилию, вколотив мяч прямо под перекладину точным ударом лохматой головы. На табло высветилось 1-1. Через пару минут бессмысленной толкотни в центре поля арбитр трижды свистнул, просигнализовав о конце основного времени. Теперь предстояло играть до «гола смерти» два тайма по пятнадцать минут.

Короткий перерыв тянулся для Манозеля мучительно долго. Он сидел на траве, уставившись безумными глазами на цифры, неумолимо светящиеся на руке.

— Манозель! — окликнул его тренер Луис Фелипе Загало, подошел к игроку и склонился над ним.

Самому Луису Фелипе было двадцать лет. Он родился с неизлечимым даже современной наукой заболеванием опорно-двигательной системы, поэтому в футбол не играл никогда, зато блестяще знал теорию и умел прекрасно ладить с другими людьми. Несмотря на юный возраст, он ощущал себя значительно старше своих футболистов, всегда старался их понять и поддержать. Загало достаточно легко передвигался в специальном облегченном экзоскелете, хотя его движения и выглядели весьма неуклюже.

— Манозель! — ещё раз позвал тренер.

Мале поднял на него заплаканные глаза и кивнул на таймер. Конечно, Луис Фелипе знал про это, но всё равно поставил игрока в основной состав, понимая, что для

него значит эта игра. Для самого тренера матч значил не намного меньше. Следующий чемпионат должен был пройти только после его смерти... И много ещё бегало на футбольном поле молодых парней в обеих командах, для которых это был первый и последний финал в жизни. Но Луис Фелипе, имевший стальную, как его экзоскелет, волю, не колебался при принятии решений.

— Ребята! — позвал он остальных игроков. — Играть будем очень просто: отбираем мяч и забрасываем его вперед на Манозэля!

— Ясно! Да он им сейчас за минуту пять штук напихает! — засмеялся кто-то.

— Мале! Встань и играй! — деланно строго рявкнул Загало, протянув нападающему руку.

— Спасибо, тренер! — пробормотал Мале, поднимаясь на ноги.

— У тебя ещё есть целых шесть минут...

На деле всё оказалось не так легко. Дважды Мале не сумел толком принять мяч и его обработать, а ещё раз защитник проявил невиданную прыть и в отчаянном подкате выбил мяч у форварда. Против лидера Сан-Себастьяна персонально играли сразу два человека. Но надо отдать должное партнерам Манозэля. Они верили в него, точно выполняли тренерскую установку и постоянно искали товарища своими передачами, несмотря на неудачи. Пошла последняя минута в жизни Мале, а мяч был у соперников. Загало с трудом опустился на колени у края поля, сложил ладони и начал читать молитву. И, возможно, небеса его услышали... После очередной попытки выноса мяча со своей половины поля игроками Санта-Мargarиты, он срикошетил от головы защитника и отскочил прямо к Манозэлю. С бешеной скоростью заработали его кривые ноги, он неудержимо рванулся вперед. На коротком отрезке, метров пятнадцать длиной, Мале сумел убежать от двоих соперником и чудом устоял после жёсткого стыка с третьим. Чтобы не упасть, ему пришлось подставить руки перед собой, поэтому три шага он сделал фактически на четвереньках, буквально ввалившись в штрафную площадь.

В этот раз хитрый вратарь Санта-Мargarиты по прозвищу Бульдог не стал бросаться очертя голову на противника и выждал максимально возможное время. Он правильно понял замысел Мале. Тот не хотел бить из угла штрафной, а решил подобраться поближе, чтобы забивать уже наверняка.

Девять... восемь... семь... Секунды на таймере были неумолимы.

Мале понял, что совершил ошибку, когда стало уже поздно. Он и не ожидал такой прыти от вратаря. Со стороны Бульдог выглядел медлительным, но сейчас он так неожиданно, так резко прыгнул ногами вперед на соперника, раскинув руки в разные стороны, что Манозэль только и успел пнуть мяч прямо, вложив в удар последние силы.

Пять... четыре... три...

Мяч попал Бульдогу в лицо и изменил траекторию. Правую ногу Мале пронзила жуткая боль. По инерции парень перелетел кувырком через голкипера и вкатился в ворота. И тут он услышал восхищенный рёв толпы такой силы, что ни один океан бы с ним не сравнился, а извержение вулкана было бы подобно лишь грохоту посуды. Мяч всё же отскочил в сетку. 2-1!!! Мале был ещё жив. И последняя секунда его жизни наполнилась счастьем. Он стал чемпионом!

— Ну прямо как сам Ди Стефано! — восхищенно прошептал Загало, вспомнив древние футбольные хроники двадцатого века

Лежавшее без движения тело нападающего окружили товарищи по команде и их противники. Бульдог наклонился над ним, потирая правый глаз, так как удар мячом пришелся именно в него. Он понял, что случилось, прежде чем ему об этом сказали игроки Сан-Себастьяна. На таймер можно было бы и не смотреть...

И тогда вратарь легко поднял на руки небольшое тело Мале, вложил ему в руки футбольный мяч и понёс игрока к центральному кругу. Постепенно к нему подтянулись и

все другие футболисты. В абсолютной тишине они молча прошествовали через всё поле. А когда они повернули в подтрибунное помещение, то грохот аплодисментов проводил Манозля Франциско де Насименту. Многие зрители не могли сдержать слёз и плакали, как маленькие дети. Впрочем, почти все они, по сути, были детьми.

Главный арбитр посоветовался с коллегами, тренерами и объявил по громкой связи на весь стадион, что церемония награждения пройдет завтра на центральной площади города.

На трибуне сидела молодая красивая девушка в футболке сборной Сан-Себастьяна. Она рыдала навзрыд, так что её милое личико было всё перепачкано тушью. Она не сразу ушла со стадиона, а дождалась, пока большая часть зрителей потихоньку его покинет. Люди прошлого удивились бы тому, что по завершению игры под креслами и в проходах не валялись пустые бутылки, пакеты, окурки, шелуха и прочий мусор. Но для нового времени было нормальным, что каждый человек старался делать мир вокруг себя лучше, пусть даже в таких, на первый взгляд, мелочах.

Опустевшая «футбольная чаша» производила такое впечатление, как будто игра ещё и не начиналась. Лишь цифры на табло и следы на газоне служили подтверждением событий, мелькавших здесь только полчаса назад.

В воцарившейся тишине запищал коммуникатор. Чтобы не лезть в карман девушка достала маленький кулон из-под футболки и нажала на него. В спроецированном перед ней прямоугольнике появилось лицо юноши в очках, который сразу обеспокоенно спросил:

— Пени, что случилось? Почему ты плачешь?

— А ты не смотрел разве финал? — удивленно всхлипнула она.

— А... футбол, — усмехнулся парень, — ты забыла, что я им не увлекаюсь. Ну, не расстраивайся ты так. Что, ваши проиграли? Бывает...

— Нет! — отрезала Пенелопа. — Наши-то как раз выиграли. Серёж, ты лучше погляди новости сам... Что случилось у тебя? В Новгороде сейчас вроде раннее утро, а ты не спишь.

— Да тут такое дело... Мне из Джефферсона звонили, из их сената... Говорят какие-то проблемы с ТТВ19. Предлагают собрать общее совещание представителей всех оплотов. Значит реально важно. Мы думаем, что через неделю. Твое мнение?

— Если надо... Я поговорю с Евой и мы уже послезавтра соберем конгресс. Думаю, что все согласятся. А сколько «Кондор» до вас летит?

— Семь часов, — улыбнулся Сергей Медведев, — быстрее пока никак нельзя.

— Не люблю я эти перелёты... Ну, в общем, я всё поняла. До связи!

— Пока!

Девушка ещё раз окинула печальным взглядом футбольное поле и медленно побрела к выходу.

Глава 5. Урок

Занятия по историческому обществознанию считались необязательными, но дети ходили на них с удовольствием, а кроме того, это была отличная возможность пообщаться и обсудить что-нибудь интересное. Старший преподаватель Колумбийского университета, Элизабет Танди – двадцатилетняя стройная девушка с короткой стрижкой, поправила на носу очки и приготовилась начать свою лекцию. Собственно говоря, они ей не требовались, и в них были вставлены обычные стекла, так как медицина прекрасно умела исправлять все дефекты зрения, но Элизабет нравился её образ именно в очках. Она обвела взглядом собравшихся в аудитории мальчишек и девчонок, которые удобно устроились на полу на больших разноцветных подушках. Сегодня здесь собрались ребята двенадцати-

тринадцати лет, практически выпускники школы. Когда обычный для начала лекции шум утих, Танди поприветствовала всех и озвучила тему: «Соотношение продолжительности жизни человека с её полезностью. Коэффициент жизненного смысла».

После краткого изложения наиболее значимых этапов становления человечества и их характеристик, Элизабет перешла к формулам, приводя примеры как из времен до «эпохи таймера», так и из настоящего. А потом она услышала самый типичный из задаваемых ей учениками за оба года её преподавания вопрос:

— Мисс Танди, а почему мы применяем свои формулы и для расчетов в отношении людей, живших давно? Они могли успеть сделать гораздо больше, ведь их жизнь была такой длинной, — поинтересовался Фарид Шамаев.

Она вздохнула и в который раз начала объяснять:

— Фактически люди всегда жили достаточно мало. Вот представьте себе, что в двадцатом веке человек умер в шестьдесят лет. В среднем он спал по восемь часов в сутки, то есть его осознанная жизнь составляла всего лишь сорок лет. Кроме того, большая часть населения работала по восемь часов в день, причём для очень многих работа заключалась лишь в том, чтобы поскорее дождаться её завершения. Так мы получаем уже примерно двадцать лет жизни. А теперь прикинем, сколько времени из этих двадцати лет тратилось на проезд, стояние в пробках (это большая бессмысленная очередь из автомобилей), бытовые хлопоты и другие мелочи. В итоге мы получим в среднем около пятнадцати-шестнадцати лет реальной осознанной жизни.

— Мисс Танди, получается, что люди прошлого жили меньше нас? — спросила сидевшая во втором ряду Элен.

— Не совсем. Сами посчитайте. Мы живем примерно двадцать три года и восемь месяцев. Для простоты подсчётов будем считать, что целых двадцать четыре. На сон тратится четыре часа в сутки, благодаря стимуляторам, которые мы принимаем. Конечно, это вредно, но последствия наступают только при достижении двадцатипятилетнего возраста, так что нам они не важны. Итак, значит, у нас остается двадцать лет. Работаем мы благодаря научному прогрессу пять-шесть часов в сутки, то есть вычтем ещё четверть времени — шесть лет и получим четырнадцать лет. Однако, наша работа в отличие от подавляющей массы людей двадцать первого века нам интересна, так что всё время, затраченное на неё, вычитать из жизни было бы не совсем правильно. На всякие глупости времени мы почти не тратим. Так что в любом случае время реально прожитой жизни нами и людьми прошлого примерно равно. Кроме того, давайте не будем забывать, что раньше многие старики, достигнув семидесяти или восьмидесяти лет, влачили настолько жалкое существование, брошенные всеми доживать свой век, что жизнью назвать это язык не поворачивается.

— Вы хотите сказать, что наша жизнь лучше, даже несмотря на «таймеры»?

— Конечно. Ведь вы знаете её цену, знаете цену времени. Разве вы сидите сутками напролет в он-лайн играх, этих созданных виртуальных мирах? Разве вы предпочитаете проводить время за просмотром сотен фотографий малознакомых людей и прочтением бессмысленных новостей и их обсуждений? Нет, конечно! При этом вы хоть каждый день можете общаться со своими друзьями в другом полушарии Земли, но делаете это только тогда, когда это действительно нужно.

— А почему таблетки называли ТТВ19?

Танди вздохнула и в очередной раз рассказала детям историю создания этих маленьких, сначала спасителей, а потом губителей человечества.

Легенда гласила, что когда Гордон Браун создавал свои чудо-пилюли, то в одном из обеденных перерывов посмотрел фильм про Джека в Стране великанов. Ему в голову влезла мысли о волшебных бобах и он решил, что будет весьма оригинальным сделать таблетки в форме бобов и назвать «time tricking beans» - «обманувшие время».

бобы». Индекс 19 обозначал номер партии, которая первой успешно прошла начальные тесты, и её формула стала основополагающей для выпуска всей серии. Ассистент доктора предложил название «time tricking bullets» - «обманувшие время пули», но Гордон отклонил эту идею, сославшись на то, что пуля предполагает смерть своей цели, что вообще не соответствовало философии нового препарата и не несло в себе никакого волшебства. Хотя, как показало время, ассистент зрел в корень, пусть и не понимал этого. В любом случае название ТТВ19 достаточно быстро вошло в оборот, а люди в разговоре коротко называли их «бобы», даже когда таблетки стали делать и в классической форме, и в форме капсул, и даже вакцины для инъекций. В русскоязычном мире их название расшифровывали как «теперь тебе всегда девятнадцать», поскольку оказалось, что развитие организма можно было «заморозить» только на девятнадцатилетнем возрасте. Любопытное совпадение. То есть, дети употребляли «бобы» только в лечебных целях и для профилактики.

Конечно, это открытие более чем заслуживало сохранения в полной тайне. Ограниченный круг людей, имевших доступ к ТТВ19, мог бы фактически вечно править миром... Но, сыграли свою роль три фактора. Первым было массовое распространение информационных технологий, что позволило новости о появлении чудо-таблеток очень быстро разлететься по миру. Вторым фактором стало желание доктора Брауна остаться в живых, поскольку за открытия, так существенно влияющие на жизнь человечества, гораздо больше шансов получить пулю в сердце, чем Нобелевскую премию. Хотя как-то обезопасить себя можно было лишь сделав научный прорыв достоянием гласности, чему также весьма поспособствовал Интернет. А третьим фактором стала банальная жадность компании, на которую Гордон работал. В «ЮЭроп Фармацевтик Индастриз» подсчитали прибыли от будущих продаж и сделали свой выбор в пользу открытого распространения ТТВ19 за большие деньги.

— А всё-таки, почему деньги отменили? — задал новый вопрос Фарид.

— А вот подумайте, на что раньше тратили миллионы и миллиарды все эти крупные корпорации, позиционировавшие себя, в том числе, и как производители передовых технологий. Да на разработку очередной модели какого-нибудь элитного «задовоза» тратилось столько денег, сколько хватило бы на полёт в космос! И всё для того, чтобы обладатель этой железяки мог похвалиться перед аналогичными себе индивидами наличием буквы «S» или «L» на табличке с названием своего «стального коня» и испытывать незабываемые тактильные ощущения от касания своим ненаглядным телом уникальных кожаных сидений?

— Вы что, противник качественных вещей? — неуверенно произнесла девочка Оля, сидевшая в первом ряду.

— Нет, у нас ведь в оплотах все вещи качественные и сделаны для людей. Но мы не преследуем цели превознесения одного человека над другими за счёт обладания им определенным набором материальных благ, которых у них нет. Вещь — это лишь принадлежность. Она не может являться объектом вождления. Человек должен хотеть стать лучше сам. В наше время чтобы выделиться вам нужно реально чего-то достичь в личностном плане. И тогда вас запомнят, как гражданина, придумавшего медицинские экзоскелеты, или квадрокоптеры, или новую технологию изготовления одежды в домашних условиях, или написавшего интересный роман, или просто как доброго, отзывчивого и жизнерадостного человека. Это гораздо лучше, чем остаться в памяти потомков обладателем миллиардов ничего не стоящих в реальности, а существующих лишь в умах страждущих, условных денежных единиц.

— То есть, сейчас для общества важны наши личности? — спросил кто-то из задних рядов.

— Да, наступило время, когда жизнь одного человека по-настоящему стала важна для всего человечества. Наше общество ценит каждого из нас и старается найти ему дело по душе и способ реализации его талантов. Даже если у вас нет никаких способностей, что маловероятно, достаточно быть честным и порядочным. Потому что каждый из нас прежде всего – человек. А человек – это звучит гордо!

— Значит наше общество стало значительно лучше чем было сто лет назад? — спросила Ольга и улыбнулась

— Ну вот сами подумайте. Все мы живём и знаем, что нам отпущено только чуть больше двадцати трех лет жизни. Мы стараемся прожить это время максимально эффективно и ярко. У нас нет большей части проблем, характерных для старого патриархального уклада. Практически нет коррупции и преступности. Причём, я не считаю, что человечество за такой короткий срок совсем избавилось от этих пороков. Просто, если ты знаешь, что в двадцать три с небольшим точно умрёшь, то даже пара лет, проведенных за решёткой, становятся страшны почти как пожизненное заключение. В новом мире родители не пропихивают своих детей на высокие должности, не создают им прибыльный бизнес. Они просто не успевают этого делать, да и не могут никак проконтролировать развитие и жизненный путь своих чад. Максимум, что им по силам – дать своим малышам как можно лучшее первоначальное воспитание и знания, чтобы чуть-чуть облегчить им дальнейшую жизнь. Кроме того, люди вновь заинтересованы в сохранении своего доброго имени. Ведь так или иначе отношение к их детям будет во многом продиктовано отношением к ним самим при жизни.

— Я читал, что ещё было время, когда всеми руководили старейшины — наиболее уважаемые люди, которые прожили долгую жизнь, — сказал Фарид.

— Ха! — усмехнулась Танди. — И, конечно, был главный старейшина, который правил долгие годы?

— Ну да, а что в этом плохого?

— Даже объяснять не хочется, — хмыкнула Лиз. — Вот он и руководил до тех пор, пока не умирал... И его окружение состояло из таких же «мудрецов», на самом деле узурпировавших власть и действовавших в своих корыстных интересах.

— А как всё же жизнь человечества изменилась сразу после появления «бобов»? — вновь поинтересовался любознательный Фарид.

Танди на некоторое время задумалась. Но потом стала быстро излагать свои мысли:

— Давайте представим себе, что творилось, когда ТТВ19 стали завоёвывать мир. Не будем принимать пока во внимание то, к чему это привело в конце, а рассмотрим первые лет пятнадцать их массового употребления. Первоначально мир охватила эйфория, люди были в восторге от возможности стать вечно молодыми и бессмертными. Для этого требовались лишь деньги. Фактически стало реальностью то, к чему человечество раньше шло иными путями. У жизни появилась твёрдая цена, пусть и с изредка плавающим курсом. И её перестали стесняться открыто озвучивать.

— Но это же плохо, — сказала Оля и вздохнула.

— Да, в целом. Но это хотя бы честно. До того люди придумывали всякие красивые фразы, вроде «здоровье не купишь», «молодость не вернёшь», но всё это было для так называемого «быдла», элита всегда знала правду.

Одной из важнейших проблем, с которой столкнулось человечество, стала ещё большая приватизация власти её обладателями. Люди лишились даже надежды на то, что какой-либо диктатор или мелкий царёк в один прекрасный день помрёт и его тирании наступит конец. Логично, что те, кто были наверху властной цепочки, ели ТТВ19 каждый день, что исключало их естественную кончину. Да и на более низких уровнях практически исчезла ротация кадров. Её и до этого особо-то не было, так как многие руководители

покидали свои уютные кресла только ногами вперед, но... Молодёжь, положение которой и так было незавидным, лишь закрепились в статусе постоянно ведомого подчиненного субъекта. При этом, и в самой молодежи усугубился раскол. Детям богатых родителей было всегда девятнадцать, они не старели и прожигали жизни, погрузившись в беспредельное море соблазнов и возможностей. Само по себе это было вполне естественным, так как в любой эпохе есть свои властители жизни и их отпрыски, которым с рождения уже положено иметь всё то, что простые люди скорее всего не получают прожив даже сто лет.

Проблема была в другом. «Золотая», а теперь ещё вдобавок и бессмертная молодежь целенаправленно делалась примером для сверстников. В их неокрепшие умы вкладывались постулаты о необходимости постоянного следования моде, маниакальной коррекции фигуры, эгоистичного поведения и отсутствии граней дозволенного. Миллионы молодых людей по всему миру мечтали лишь иметь много денег, чтобы купить достаточно ТТВ19, получить вечную жизнь и провести её среди неоновых мрака ночных клубов, предаваясь всяческим возможным наслаждениям, отвлекаясь только на посещение горячих пляжей морских берегов.

Оставались, конечно, и те, кто достойно жил, честно трудился и строил планы на будущее. Все они тоже принимали ТТВ19, что не было удивительным, так как страх смерти всегда был спутником человека, но их жизнь не сводилась к постоянной погоне за вождельной таблеткой. Они рожали и воспитывали детей, учились, дружили, отмечали дни рождения и праздники, путешествовали, творили. Но таких людей становилось всё меньше и меньше.

— Ещё вопросы будут? — спросила Танди, и ничуть не удивилась, увидев «лес рук».

***

После урока Танди встретила в коридоре свою коллегу, миссис Гувер.

— Лиз, — зашептала она, — ты ничего не слышала про совещание всех оплотов?

— Да нет, меня же не переизбрали в конгресс на этот год. Ну и хорошо, меньше отвлекаюсь от любимого дела.

— А, вот как. Я и забыла... Просто я вчера была в гостях у Макферсонов, они это обсуждали.

— Этна, да чего тут особенного? Проведут прямую линию. Может даже транслировать будут. Я когда заседала в конгрессе, то такое происходило пару раз.

— А в этот раз они все вместе соберутся! — со значением проговорила миссис Гувер.

— Может мода новая... Не думаю, что произошло что-то страшное. Вспомни, за всю нашу жизнь и за жизнь наших родителей власть никогда нам не врала и ничего не скрывала.

— Это правда, но мало ли...

— Ладно, Этна, ты меньше слухи собирай. Я пошла, у меня ещё лекция, — спокойно сказала Элизабет и застучала каблучками по полу.

Миссис Гувер посмотрела ей вслед, вздохнула и пошла домой. Шёл уже второй месяц её беременности, поэтому она переживала больше обычного. Ведь ей просто хотелось, чтобы ребёнок родился в спокойное время и прожил пусть короткую, по воле судьбы, но счастливую жизнь. Она знала, что когда умрёт — ему будет три года.

Глава 6. Бессмертный

В мире всё же жил один человек, жизнь которого была ещё более важной, чем жизнь других. Важной для всего человечества. Хотя, он сам не назвал бы своё

существование жизнью. Каждый день Марселя начинался со сдачи анализов и снятия с него жизненных параметров, каждую ночь он спал утыканный всевозможными датчиками. Весь мир для старого африканца ограничивался уютной, но до смерти надоевшей палатой, а прогулки во дворе исследовательского института напоминали прогулки заключенного.

Уже несколько поколений врачей бились над загадкой его бессмертия, сами умирая по достижению двадцати трёх с небольшим лет. На их таймерах стабильно высвечивались нули. Точно такие же нули уже сто лет светились на таймере Марселя, но он жил. Больше того, живучесть его организма поражала. Был случай, когда после семидесяти лет старик Англома не выдержал, распахнулся и перерезал себе горло. Кровь только успела хлынуть из раны, и почти сразу свернулась. При всём при этом, Марсель отнюдь не чувствовал себя здоровым и физически сильным. Он страдал кучей старческих заболеваний, его тело было немощным и дряхлым, а разум часто почти полностью пропадал. Его лечили, излечивали, но он мог снова заболеть хоть на следующий день. Иногда, впрочем, случались невероятные метаморфозы. Однажды старик сумел выломать голыми руками металлическую дверь своей палаты и раскидать как котят нескольких подоспевших охранников. В другой раз он на протяжении целого дня с легкостью решал в уме сложнейшие математические задачи.

Он мог лежать несколько дней без движения, а мог целые сутки бродить по палате. Был период, когда он не ел больше месяца, но несколько раз старик съедал столько, что хватило бы нескольким взрослым людям.

Значительная часть его анализов ничем не отличалась бы от анализов других столетних стариков, если бы они ещё оставались в этом мире. Но, опять же, бывали дни, когда отдельные их показатели зашкаливали или просто не могли быть определены. Давление старика могло «скакать» по несколько раз в день, а могло оставаться неизменным, как у космонавта, долгие месяцы.

Очередной день начался для Марселя с еле слышного скрипа открывающейся двери. Старик Англома поморщился и бросил на вошедшего человека короткий оценивающий взгляд. Это был новенький доктор. Такой же молодой, как и все остальные. Он перевидал их уже столько, что перестал запоминать имена лет двадцать назад.

— Здравствуйте, мистер Англома! — бодрым голосом произнес парень. — Меня зовут Джим Браун.

Фамилия вызвала у Марселя искру интереса. Давным-давно к нему тоже часто ходил доктор Браун.

— Привет, — буркнул старик, — коли иголкой, бери мою кровушку в миллионный раз на анализ.

— Я вообще-то пришел поговорить, — сказал молодой человек.

— Ха-ха-ха! Забавно! — рассмеялся Марсель. — С каких это пор с лабораторной крысой нужно беседовать? Ты лучше опыты свои ставь... Давай, доставай шприцы, ампулы!

— Мистер Англома, я действительно хочу с вами лишь побеседовать. Сегодня не будет никаких анализов. Давайте проведем этот день спокойно. Вы не хотите прогуляться?

— Чего? Опять мерить шагами двор? Ради этого я не стану отрывать свой зад от кровати!

— Нет, я хочу показать вам оплот, — сказал доктор Браун.

— За сто лет это первое предложение такого рода, — пробормотал Марсель, — с чего бы это?

— Хотите честный ответ? — сказал Джим и посмотрел старику прямо в глаза.

— Я уже давно никому не верю, — прокряхтел тот, — ну, валяйте!

— Решено некоторое время не... исследовать вас. Последний учёный совет постановил, что пока это нецелесообразно. Решили направить все силы не анализ ранее полученных данных.

— А ты тогда тут чего делаешь? — недоверчиво сверкнул глазами старик. — Оставь меня в покое, раз всё так, как ты говоришь. Отдохну хоть...

— Как хотите. Но я подумал, что вам будет интересно посмотреть, что делается в мире.

— Гуманист? — хмыкнул Англома.

— Не совсем. Вы извините, но я хочу научную работу написать на тему социализации человека, долгое время оторванного от общества. Примера лучше вас не найти во всем мире. Конечно, рисковать потерять вас безвозвратно мы не можем, поэтому за пределы оплота выходить нам нельзя. Скрываться от меня я тоже не советую...

— Ладно, ладно! — прервал ученого Марсель. — Я понял. Теперь я — отработанный материал, который стал не нужен, но выбросить жалко. Ну, пошли, погуляем. Только мне нужны шмотки и трость.

— Хорошо. Пообещайте, что не будете пытаться сбежать.

— Да ладно, дружище! — засмеялся Марсель. — Неужели ты не догонишь старого больного негра?

— Я всё же надеюсь на ваше благоразумие, — вздохнул Браун.

Старику в соответствии с его пожеланиями принесли белый костюм и брюки, соломенную шляпу, а также трость с круглым блестящим набалдашником.

Когда они вышли из больницы на улицы города, то в первую минуту голова Марселя закружилась от открывшейся ему картины и внезапно нахлынувшего ощущения свободы.

Он шёл по красивым чистым улицам, разглядывал необычные для него здания, смотрел на встречаемых людей, как на инопланетян. Все они были очень молоды. Казалось, что это большой студенческий городок. Молодёжь окружала его со всех сторон. Кто-то просто торопился по делам, кто-то летел на парящей доске, иные катили на велосипедах по старинке, а некоторые ждали прибытия монорельса. При этом, огромная масса народа растворялась в городском просторе, который напоминал парк — так много в нём росло зелени. Вокруг отнюдь не царил угнетающая суэта, характерная для мегаполисов прошлого. Многие парни и девушки уже отработали свои смены и сейчас наслаждались общением с друзьями, гоняли мяч, пели под гитару, играли на других музыкальных инструментах, загорали, организовывали пикники, читали, бегали, ели мороженое, целовались. Отдельно выделялись семейные пары, которые решили сами воспитывать малышей, пусть и недолгое оставшееся им время. Карапузы весело катались с горок, лазили по лесенкам, качались на качелях и делали множество забавных глупостей на радость своим папам и мамам. Иногда мелькали коляски: всё-таки здесь было немного шумно для совсем маленьких. Но, самым главным являлось то, что лица у всех людей были светлыми и улыбчивыми, без этих, так характерных для старого двадцать первого века, затравленного взгляда, скрытого напряжения и злобы.

— Мороженого хотите? — спросил Браун у ошоломленного Марселя.

— Да, пожалуй, — буркнул тот, — эскимо.

Пока они шли к автомату, старик совершенно бесстыдным образом пялился на встречаемых девушек, провожая хищным взглядом особенно понравившихся или тех, у кого юбки были покороче. Нужно отметить, что одевались все настолько разнообразно, что от этого рябило в глазах. Причёски и цвет волос также варьировались в соответствии с желаниями их обладателей.

Браун и Англома, однако, привлекали внимания к себе не меньше. Неудивительно, ведь в то время такого старого человека как Марсель можно было увидеть только в фантастических фильмах.

— Чего они зыркают на меня? — сквозь зубы процедил старик, подойдя к большому металлическому ящику с надписью «мороженое». — Я что, такой красавчик?

— Не придуривайтесь, — отмахнулся Джим, — очевидно, что это из-за вашего возраста.

Он нажал на кнопку «эскимо» два раза, и через минуту протянул Марселю вкусное лакомство на палочке.

— Ам! — старик довольно укусил шоколадную глазурь. — И ведь бесплатно же! А если кто захочет съесть десять штук?

— Если не боится заболеть – пусть ест на здоровье, — улыбнулся Браун, — но таких балбесов у нас почти нет.

Мимо проехала девушка на роликах. Марсель проводил взглядом её стройную подтянутую фигуру.

— Попа хороша! — хмыкнул старик и укусил свое мороженое. — У тебя подружка-то есть, доктор?

— Была, — ответил Браун и помрачнел, — её время закончилось почти год назад. С тех пор я посвящаю свободное время науке.

— Ну и дурак ты, Браун, — укоризненно проговорил Марсель, — тут такие экземпляры... И молоденькие все, стройные и симпатичные. Не теряйся!

— Давайте я сам разберусь со своей личной жизнью! — резко ответил Джим.

— Какой обидчивый! Ладно, говори, зачем ты меня сюда притащил?

— Я же объяснил вам, что мне нужно изучить ваше поведение в естественных условиях, — хмыкнул доктор.

— Ха-ха-ха! — громко и раскатисто засмеялся Марсель. — Мои естественные условия это грязный вонючий городишко, в котором у меня была квартирка чуть больше собачьей конуры. И работа каждый день на крупную китайскую компанию (существовала раньше такая страна – Китай), приносившая мне грошовый доход, достаточный только для того, чтобы не умереть, а продолжать дальше мучиться. А тут для меня всё совсем неестественно!

— Я понимаю, но должны же быть хоть какие-то схожие вещи?

Марсель задумался и стал оглядываться. Наконец он показал рукой на большое здание прямоугольной формы, возвышавшееся на севере.

— Это чем-то напоминает мне склады, где я работал. Только те были серого цвета и поменьше. Можем прогуляться до него.

— Хм, это здание ещё недостроено, — сказал доктор Браун, — там будет ангар для новых «Кондоров». Их там уместится три. Старые ещё летают несколько лет, а потом пойдут на утилизацию. Авиационный парк должен быть всегда в порядке, ведь жизнь стольких людей зависит от технического состояния самолетов. За ним, чуть в стороне – пара универсальных заводов.

— Ну так пойдём! — попросил Марсель. — Я в промзоне прожил большую часть жизни. Сначала шил одежду якобы дорогих известных брэндов, а потом занимался изготовлением поддельных запчастей для машин.

— Да там смотреть не на что, — пожал плечами Джим, — я хотел вам предложить сходить на концерт или театральную постановку, на футбол, наконец, вечером.

— Какой к черту концерт!?! — вспыхнул старик, — я был на них всего пару раз, когда учился в Москве, — а дома в футбол мы играли на заваленной мусором улице, мячом, набитым старыми тряпками... Нет уж, покажи мне лучше как живут ваши работяги.

Когда они прошли ангар и приблизились к заводам, то Марсель нахмурился. Здесь были такие же чистые улицы и приветливые люди. Никаких свор бродячих собак, никакой копоти из труб и противного запаха. Правда, людей было значительно меньше. Лишь двое рабочих обогнали их в небольшом переулке на велосипедах, предупредительно звякнув сигналами.

— А что это еле заметное из трубы поднимается? — спросил Марсель и показал пальцем вверх.

— В основном водяной пар, — ответил Джим, — есть ещё небольшое количество углекислого газа, но мы его постоянно снижаем.

— Понятно, — кивнул старик Англома и вдруг согнулся, схватившись за живот.

— Что с вами? — встревожено произнес его спутник и наклонился к нему.

Марсель резко ударил не ожидавшего Брауна кулаком в челюсть. Его тело опять налилось невероятной силой. Доктор отлетел метра на три и упал на живот. Марсель лишь бросил на него короткий взгляд и помчался по улице. Старичок бежал со скоростью профессионального легкоатлета. Ветер свистел в его ушах и обдувал лицо. Шляпа давно слетела. Вдруг он вздрогнул от боли, его мышцы свело судорогой, он рухнул по инерции в кусты и забился в конвульсиях.

Доктор Браун с трудом приподнялся и оперся на колено. В руке он сжимал маленький пульт управления, большим пальцем вдавив на нем красную кнопку. Сплюнув в сторону два зуба, доктор чертыхнулся и, шатаясь, побрел по направлению к лежавшему в кустах старику.

Когда он подошёл, то удивленно вскинул брови. Вместо того, чтобы лежать полностью парализованным, Марсель Англома бился на земле, точно выброшенная на берег рыба. С его губ капала пена, он хрипел:

— Я давно мёртв! Поймите! Мёртв!

— Успокойтесь, я уже вызвал медиков, — тихо проговорил Джим.

— Не понимаешь... Это не я! Выпустите его! Вытащите! Вырвите! Я не могу больше... — теперь старик уже не хрипел, а шептал.

— Кого выпустить? — спросил Браун.

— Меня! — раздался голос, идущий словно откуда-то из глубины тела старого Англома. — Шар... ключ...

Тело Марселя обмякло и замерло, как будто он умер. Но он дышал. И на обратном пути в больницу старик открыл глаза и всю дорогу пристально, не мигая, смотрел на Джима Брауна, сидевшего рядом с ним в отсеке реанимобиля.

Глава 7. Человек из прошлого

— Ангелы летят! Ангелы летят! — кричали детишки и гурьбой бежали по узким городским улочкам.

Люди задирали головы вверх и смотрели в небо, наблюдая за тем, как две белоснежных фигуры медленно кружились в облаках и опускались всё ниже и ниже. Уже можно было разглядеть светлые чепчики на головах женщин, чёрные головные уборы мужчин, седла привязанных к забору лошадей, даже стыки плит на мостовой.

Дмитрий с интересом смотрел на этот маленький городок, основанный на краю искалеченной техногенными катастрофами и огнем атома старушки Европы. Он очень напоминал те классические поселения, которые можно было увидеть сейчас только при просмотре старой исторической хроники.

Казалось, что время здесь замерло где-то в шестидесятых-семидесятых годах девятнадцатого века. Малочисленное движение европейских неохристиан сумело пережить

«Предельный кризис» и со временем потихоньку обустроило свой мирок, полагаясь не столько на технический прогресс, сколько на трудолюбие и смирение.

Но путь «ангелов» лежал не в этот городок, а расположенное в нескольких километрах к западу от него поместье.

Они приземлились точно на вымощенную камнями дорожку, ведущую через заросший высокой травой запущенный сад. Старые деревья широко раскинули свои корявые ветви, но плодов на них почти не было. Видимо, сад потихоньку умирал.

Нул Фрейтас дружелюбно распахнул перед гостями дверь своего старинного особняка. Алексей и Дмитрий сложили крылья, отстегнули их от тактической брони и занесли в прихожую.

— Здравствуйте, молодые люди! — радостно приветствовал их старик.

— Привет, дядя Нул, — улыбнулся Алексей, — как ваше здоровье?

— Да скоро уже помру, наверное, — усмехнулся Фрейтас.

— Типун вам на язык!

— Да хоть два! Лет мне уже семьдесят восемь, пожил достаточно.

— Вот тут лекарства кое-какие, витамины... Вы в прошлый раз на сердце жаловались, — сказал Дмитрий и протянул хозяину дома металлическую коробочку.

— В прошлый раз вы меня здорово выручили, Алекс, — сказал Фрейтас, — я мог бы совсем замерзнуть в ту ночь.

— Я тогда, кстати, не спросил, зачем вы вообще поехали на север в сторону руин Берлина.

— За книгами, конечно же! Это было ближайшее место с приемлемым радиационным фоном, куда я мог добраться на своем авто. Но, техника меня подвела.

— Да, получилось очень удачно, что у нас как раз ежегодные военные сборы проходили в лесу неподалеку.

— А книги вы тогда привезли? — поинтересовался Дима.

— Конечно, полный багажник! — с гордостью ответил Нул Фрейтас. — Да что же мы это всё в прихожей стоим! Пойдём в гостиную.

После получаса непринужденного общения, в ходе которого они обменялись новостями и своим отношением к ним, разговор опять перешел на книги. Фрейтас подмигнул своим собеседникам и предложил пройти в другое крыло дома. По скрипящему паркету они прошагали через длинный коридор и остановились перед массивной дверью с поблескивавшей на ней медной ручкой.

— Поглядите, ребятки, на мою библиотеку! — с гордостью произнес старик и открыл дверь.

Огромный зал был разделен от пола до потолка забитыми книгами полками на восемь рядов. И по всему периметру также везде были книги.

— Вы, наверное, книжек в руках не держали? Настоящих, бумажных, — спросил Фрейтас.

— Обижаете, — улыбнулся Алексей, — книга это один из самых долговечных носителей информации, не считая, конечно, глиняных табличек. Мы изучали в школе, как в хаосе прошлого были потеряны многие важные данные, которые хранились только в Сети, в так называемых «облачных» хранилищах.

Старик согласно покивал головой.

— Если вы, молодые люди, не против, то я включу музыку, — сказал он и подошел к старому аппарату для проигрывания пластинок.

Через несколько мгновений пространство библиотеки наполнила протяжная мелодия флейты, далеко разносившаяся по залу.

— Джеймс Ласт, «Одинокий пастух», — с удовольствием отметил Дмитрий.

— Ну надо же! — удивился Нул. — Не ожидал.

— Отличная музыка, мне много что нравится в таком стиле, — улыбнулся Дима.

— Она мне кажется ещё и весьма актуальной для моего положения. Я сам здесь как пастух всех этих знаний, — он обвел помещение рукой.

— Ладно, мистер Фрейтас... Если честно, мы вообще-то прибыли по делу, в котором нам необходима помощь такого специалиста по литературе и истории как вы.

— Я догадываюсь, что вы преследовали и иные цели, помимо заботы о старом Нуле, — расхохотался старик. — Давайте присядем.

— Вы прямо нас пристыдили сейчас, — опустив глаза сказал Алексей, присаживаясь в удобное плетеное кресло.

— Алекс, не берите в голову! Это старческая язвительность. Главное, что не маразм пока. Выкладывайте!

— Мы ищем информацию о руководителях «ЮФИ», — прямо сказал Дима, — нас интересует период после падения Антарктического метеорита на Землю, но и любые другие данные будут очень полезны.

— Дневник Гордона Брауна мы читали, — добавил Алексей, — другие его записи тоже. В целом, в совокупности с мемуарами политиков Крюгера и Маккейна, у нас есть практически всё, что нам нужно, но даже в этих документах лишь вскользь упоминается про руководство компании. А между тем...

— Дуг Паттерсон, Лекс Годсон и Хавьер Ксанти, — неожиданно прервал его Фрейтас, — немногие помнят даже их имена.

— Да, и это удивительно! Как я знаю, они руководили компанией втроем, будучи равноправными сопрезидентами, решая все вопросы вместе. Редкий прецедент! — добавил Дмитрий.

— Мы нигде не смогли найти данных об их смерти и последних днях жизни, — продолжил Алексей. — Вообще, последний документ, где стоят их подписи — это секретный протокол того самого знаменитого совещания, когда было принято ключевое решение по «бобам».

— Странно, что такое решение принималось не ООН, и даже не правительствами государств, а лишь руководством «ЮФИ» и двумя, по сути, главными лоббистами их интересов, — сказал Дмитрий.

— Зачастую миром прошлого как раз правили не марионетки, занимавшие публичные должности, а именно корпорации. А «ЮФИ» была подобно спруту, опутавшему всю планету. Фармацевтика и до появления ТТВ19 позволяла занимать им одну из ведущих ролей, а уж с открытием доктора Брауна, их власть стала фактически безгранична, — проговорил Фрейтас.

— Да ну, — недоверчиво фыркнули сразу оба парня.

— Сами посудите. Они владели контрольными пакетами акций крупнейших производителей вооружений на западе и имели преданных шпионов на руководящих должностях концернов востока. Их частная космическая программа была эффективнее аналогичных программ государств в несколько раз. Ещё пару десятилетий — и им бы принадлежала Луна. Все гуманитарные продовольственные программы также реализовывались через «ЮФИ» посредством подконтрольных им организаций. Это лишь наиболее явные примеры их влияния. Можно привести гораздо больше, но я не думаю, что это необходимо.

— Так, мы уяснили, что «ЮФИ» была самой могущественной силой старого мира, — кивнул Алексей.

— Да, но её отличительной чертой было не это самое могущество, а цепкость ума её руководителей и их великий гуманизм. Зачастую у власти находились весьма посредственные личности, либо люди, хоть и незаурядные, но очень жестокие и имеющие

лишь одно желание – править. А чем обернётся их воля для простых людей... им было наплевать. «ЮФИ» – другое дело...

— Вы так восхищенно говорите о руководстве компании, словно были с ними знакомы, — засмеялся Дмитрий.

— А я и был знаком. С Лексом Годсоном, — уточнил старик.

Оба молодых человека удивленно вытаращили глаза.

— Быть не может! — произнес Алексей. — В прошлом году было столетие с начала «Предельного кризиса», а вам семьдесят восемь лет. То есть, даже если бы он принял ТТВ19 сто лет назад, то прожил бы после этого чуть меньше двадцати четырех лет. Ну, теоретически, вам могло быть полтора годика на момент его смерти.

— А с чего вы взяли, что Годсон хоть раз в жизни пробовал ТТВ19? — улыбнулся Фрейтас.

— Нет?! — выпалили парни.

— Ни он, ни Паттерсон, ни Ксанти их никогда сами не принимали, — кивнул Нул. Двое из них прожили около девяноста лет, а Годсон дожил аж до девяноста шести. Мне было двадцать пять, когда он приехал к моему отцу, и они с ним сидели и беседовали вот в этих самых креслах, где сидите вы.

Дима с Алексеем вскочили на ноги словно ошпаренные.

— Да вы садитесь, молодые люди, садитесь, — невозмутимо продолжал Нул.

— Мистер Фрейтас, — после минутного замешательства сказал Дмитрий, — как такое могло получиться, что нам понадобилась информация о «ЮФИ», мы обратились именно к вам, и вы реально можете нам помочь? Это что, совпадение такое?

— Мой юный друг, — ухмыльнулся старик, — я думаю, что конкретные личности не имеют значения. Я не склонен искать в вашем прибытии некий мистический смысл. Просто рано или поздно кто-нибудь пришёл бы ко мне, потому что я располагаю единственной в мире информацией такого рода.

— И прямо так легко готовы ей поделиться? — недоверчиво посмотрел на него Алексей.

— Конечно! Моя задача заключается в хранении и передаче информации всем желающим. Правда, сейчас мало кто интересуется прошлым... Некогда... Время слишком дорого... Да и предки наши были не лучше. Не считали историю наукой, переписывали её постоянно в угоду своим амбициям и конъюнктуре.

— Так что вы можете рассказать нам о Лексе Годсоне? — немного резко прервал рассуждения старика Алексей.

— А что я вам буду рассказывать, — улыбнулся Фрейтас. — Почитайте его мемуары. Он их мне надиктовывал до самой смерти.

С этими словами Нул поднялся, дошел до третьей полки слева и вытащил книгу средней толщины в кожаном переплетёте ярко-красного цвета.

— Вот, полюбуйтесь, — с гордостью произнес старик, — один единственный экземпляр этого уникального труда. Ограниченный тираж! — продолжил он со смехом.

— А можно у вас его обменять на что-нибудь? — вдруг спросил Дима, которого разбирало любопытство.

— Поменять? Я всё время забываю, что в оплотах нет денег... Нет, я не соглашусь на обмен, но можете её прочитать здесь. А... Вам же завтра улетать. Ну так сделайте копию и перечитывайте потом на здоровье. Занятная вещь!

Они ещё посидели немного, а потом Нул Фрейтас сказал, что собирается ложиться спать. Он разрешил ребятам чувствовать себя как дома, предложив спать в гостиной на диванах.

— Там вы сможете топить камин, хотя бы... В остальных комнатах давно забиты дымоходы. Ну, или спите прямо в библиотеке. Здесь микроклимат поддерживается всегда, пока есть энергия и крутится ветряк.

Старик отправился к себе в комнату, а ребята остались одни перед огромным пространством, заполненным книгами.

— Гляди! — радостно вскрикнул Дима. — Тут и коллекция виниловых пластинок неплохая.

Действительно, четыре длинных полки в углу занимали картонные конверты с пластинками.

— Классики много, «The Beatles», джаз... Ого! Целых три альбома «Deep Purple»! — восхищенно продолжал Дмитрий. — Морреконе, Луи Армстронг, Чак Берри!

— Ладно, — прервал его Алексей, — нам прочитать книжку нужно в первую очередь.

— Да ты её пересними портативным сканером просто, — махнул рукой Дима, — я хочу послушать музыку. Может что-нибудь запишу.

— Я тогда в гостиную пойду сканировать и почитаю там, — сказал Алексей. — Ты выспись хоть, меломан!

Дмитрий его уже не слушал. Библиотека наполнилась мелодичным звуками музыки самой узнаваемой композиции величайшей рок-группы из давно лежащего в руинах города Ливерпуля.

Глава 8. Исповедь владыки мира

Оставшись один на один с книгой, Алексей сразу бросился с жадностью её читать. Мысли Годсона излагались несколько сумбурно, было видно, что человек не имеет писательского опыта. Скорее, это следовало назвать записками, чем цельным произведением.

Первые записи датировались примерно через месяц после начала «Предельного кризиса». Как оказалось, «ЮФИ» давно уже занималось подготовкой своей частной армии. Для каких конкретных целей она собиралась, Годсон умалчивал, но писал, что в условиях разразившейся всемирной катастрофы именно эта армия стала основой поддержания некоего подобия порядка. Вообще, как указывал Лекс Годсон, военные вопросы курировал Паттерсон, так что подробного описания военных операций книга не содержала.

Зато там немного рассказывалось о процессе создания этой частной армии. «ЮФИ» собирала по всему миру беспризорных мальчишек из самых нищих стран. Им давали еду и кров, и обучали с раннего детства военному делу на закрытых базах, расположенных в отдаленных и труднодоступных местах. Особенности психологической обработки делали из них преданных компании воинов, готовых выполнить любой приказ и подчинявшихся только одному из троицы руководителей. Именно эти бойцы помогали людям основывать оплоты, защищали их и умирляли недовольных.

Особое место в воспоминаниях Годсона занимал один эпизод, описывавший его пребывание в Антарктиде на месте падения метеорита. И Алексей прочитал его затаив дыхание.

«Я знаю, что там было что-то ещё... Когда экспедиция уже должна была покинуть место падения, я почувствовал зов из глубины льдов. Но неотвратимо надвигалась чудовищная буря, поэтому мы быстро уехали. Потом Гордон Браун долго возился с этими чёрными кубиками и сделал вывод, что они были частью целого. Исходя из их разброса на местности, он предположил, что мы нашли их все... Я думаю, что он ошибся... Хотя, наши люди исследовали всё в радиусе тридцати километров и не обнаружили ничего подобного. Но, когда я засыпаю, то часто вижу в своих снах

непонятный чёрный шар... И звёзды... На повторную экспедицию снова нужны были огромные деньги, а тут ещё Браун нашел прибыльный способ использовать находку, так что больше туда никто не возвращался».

Других упоминаний про Антарктиду в тексте не встречалось. Вместе с тем, там было много другой интересной информации.

Годсон описывал хаос, воцарившийся в мире сразу после того, как девяносто девять процентов его населения узнали точную дату своей смерти. Он писал о том, как обезумевшие толпы сносили правительства, растаскивали имущество, уничтожали произведения искусства и убивали тех, кто пытался воззвать к их разуму.

«Я хорошо помню эти некогда элитные коттеджные посёлки, разрушенные до основания и сожжённые дотла, изрешеченные пулями тела бойцов спецназа, защищавшего их владельцев. И самих владельцев, вздернутых на столбах. Они думали, что смогут отсидеться, дожить остаток своих дней в сытости и комфорте, отгородившись от внешнего мира... Но внешний мир сам пришёл к ним. Давняя истина о том, что мятежная толпа с оружием в руках не испугается, имея возможность стрелять в ответ, вновь подтвердилась».

При описании гибели мира встречались, однако, даже забавные случаи. Один президент, например, решил умереть в своем кресле в треугольном кабинете, закутавшись в национальный флаг. Другой политический деятель напялил на руки все свои любимые часы перед смертью. Когда рук не хватило, он использовал ноги. При этом, он завел будильники на время своей смерти и можно лишь представить себе, какая какофония сопровождала его агонию. Светские львицы прощались со своими сумочками и собачками. Потом их хоронили с ними вместе. Байкеры старались умереть на полном ходу, разогнав свои мотоциклы по шоссе. Любителей элитных суперкаров закапывали вместе с их усыпанными стразами автомобилями прямо на водительском сидении. А смерть на горах денежного мусора, некогда бывшего причиной величия их хозяев, стала такой обыденной, что не стоила даже подробного описания.

Лишь редкие поселения людей сохранили свой облик и основы порядка. Причем, чаще всего этот порядок был основан на принуждении и страхе потерять оставшиеся драгоценные дни жизни.

Как оказалось, Лекс Годсон был предельно честным человеком. Чего стоили только эти его размышления:

«Фактически наша компания осталась единственным островком спокойствия в океане безумия, в который погрузилось человечество. Я не был гуманистом. Многие решения, принятые мной во время руководства «ЮФИ» приводили к гибели значительного количества людей. Да и моя личная жизнь была очень далека от общепринятых норм морали и нравственности. Хотя, в нашей троице я, наверное, был самым добрым, в кавычках.

Тем не менее, осознание скорой гибели мира привело нас на тропу его спасения. Возможно сыграло свою роль то, что из всех сильных мира сего только мы трое никогда не принимали ТТВ19. Пока все ещё живые лидеры официальных и тайных организаций, правители и миллиардеры искали способы сохранения своих никчемных жизней, или старались насытиться остатком своих дней, мы решили стать спасителями человечества. Благо, что ресурсов на это требовалось не так уж много. А то, чего нам не хватало, мы могли взять беспрепятственно.

Мы разделили наши усилия по созданию оплотов. Мне достались Новый Новгород, Изгиб Хуанхэ и Силенд. Я был добр. Тех, кто не понял нашего замысла – просто сослали в тундру. Раскаявшиеся были прощены и возвращены, а остальные окончили свои дни в холоде и голоде. Паттерсон был более жестоким. Он отдал приказ расстрелять всех несогласных. И приказ был выполнен. Ксанти больше занимался своими делами, поэтому его оплоты были достроены позже всех, и порядок наводить там пришлось уже мне».

Далее Годсон рассказывал о том, как ему было сложно общаться с людьми.

«Поскольку мы старались построить новое идеальное общество, то пришлось начинать с себя. Поначалу было трудно. Раньше я мог заставить человека что-либо сделать только исходя из того, что у меня имелись власть и деньги. Власть и деньги – являлись залогом правоты во всём. Причем иметь нужно было оба компонента сразу. Если вы имели деньги, но не имели власти – у вас их отбирали. А если вы имели власть, но не имели денег – вы были дураком, которого никто не принимал всерьез. Этот подход требовал изменения. И мы отменили деньги. Учитывая существенно сократившуюся численность населения Земли, эксперимент с трудом, но удался. В мире и раньше было достаточно ресурсов, чтобы обеспечить ими всех желающих. Но сытым и счастливым обществом гораздо сложнее манипулировать. А ещё, какой смысл быть богатым без бедных? Никакого!

Итак, деньги отменили. Остались личные отношения. Оказалось, что они очень даже взаимосвязаны. Раньше я не мог себе представить, что буду воспринимать всерьёз слова нищегорода, зарабатывающего за год столько, сколько стоит моя перьевая ручка. Что человек мог понимать в жизни, если он одевался на распродажах, ел фаст-фуд и не учился в закрытом учебном заведении для самых одаренных, родители которых платили за это всего лишь несколько тысяч евраней в месяц? Как можно воспринимать всерьез человека, прожившего всю жизнь в однокомнатной квартире с женой и тремя детьми, ездившего на десятилетней малолитражке и только пару раз бывавшего в санатории по путевке своего завода или учреждения?

Но я смог пересмотреть свои взгляды. Я научился видеть в человеке, прежде всего человека. Хотя, некоторые индивиды пытались продаваться или покупать себе подобных создав денежные суррогаты... Наша жёсткая рука их образумила».

В общем, оплоты были созданы, первое поколение их обитателей жили под незаметным, но строгим контролем «ЮФИ». Пару раз приходилось применять частную армию, но всё обошлось малой кровью.

А потом армия умерла. Потихоньку ТТВ19 сработали в каждом солдате. Их хоронили как героев. Последнего опустили в землю лично Паттерсон, Годсон и Ксанти. Они были уже стары, дряхлы и немощны. Друзья простились, сели в свои квадрокоптеры и разлетелись в разные стороны.

Дальше Годсон написал:

«Сообщения о смерти товарищей я получил почти одновременно через год и ещё через два месяца с момента расставания. Я остался один. И тут я вспомнил о своем бывшем сотруднике Хансе Фрейтасе. Он был членом неохристианской секты и категорически отказывался принимать ТТВ19. Я нашел его дом около Мальброка. Он принял меня как брата, хотя очень удивился. Здесь я и доживаю свой век».

На этом месте Алексей заснул. Его разбудил Дима, который тряс друга за плечо.

— Вставай, лежебока! «Кондор» уже через два часа будет на месте, а мы ещё не собирались.

— А где Фрейтас? — пробормотал Алекс спросонья. — Вроде он раньше нас обещал разбудить.

— Блин! Дверь в его спальню закрыта. Я полчаса стучал и звал его. Никакой реакции.

Парни вместе побежали по длинным тёмным коридорам. Ещё минут десять все их попытки достучаться до Нула оказались безрезультатными. Наконец, Алексей достал лазерный резак, осторожно перепилил замок и открыл дверь. Заскрипели петли и взору ребят открылась грустная картина: старик Нул лежал без движения на своей кровати, его глаза были открыты и безжизненно смотрели в потолок. Он был одет в костюм и брюки,

обут в чёрные лакированные туфли и даже повязал галстук. В руке покойник сжимал сложенный вдвое листок бумаги.

Дима подошел, вытащил записку и прочитал.

— Всё ясно, — мрачно произнес он, — однажды у старика обнаружили рак гортани, так что для излечения он принял ТТВ19...

— И это произошло 8658 дней назад, — закончил Алексей.

— Он тут ещё просит сохранить его коллекцию, тело похоронить в земле рядом с могилой родителей, а дом сжечь...

— Хорошо, — вздохнул Жуков, — ты давай, хватай крылья и бегом к точке встречи с «Кондором». В оплоте всё расскажешь совету, а то здесь дальняя связь не берёт. А я пока похороню старину Нула.

Так и решили.

Через десять минут Алексей уже вовсю работал лопатой около зарослей шиповника рядом с двумя старыми крестами. Сухая земля поддавалась тяжело, поэтому процесс шёл медленно. Парень отёр пот со лба и посмотрел в небесную синеву. Ещё было видно как белеет след «ангела», уносящегося вдаль.

Глава 9. Рай на Земле

Большой посёлок Эдам раскинулся в плодородной долине, находившейся на территории бывшего штата Луизиана. Формально это была дальняя зона влияния оплота Джефферсона, но фактически посёлок жил сам по себе. Около тысячи однотипных малоэтажных домиков образовывали правильные линии улиц, выделяясь издали своими красными черепичными крышами. В самом центре располагалась большая прямоугольная площадь, вымощенная камнем, по разным сторонам которой величественно возвышались белоснежные здания церкви и ратуши. Они являлись самыми высокими строениями в Эдаме, но ратуша была всё же чуть выше из-за наличия башенки.

На балконе башенки стоял высокий седой мужчина крепкого телосложения. Его загорелое лицо обрамляла солидная, аккуратно подстриженная борода, а на глаза была надвинута шляпа с широкими полями, чтобы восходящее солнце не мешало ему осматривать окрестности.

Это был мэр Томас Брукс – бессменный руководитель посёлка уже на протяжении тридцати лет. Он стоял и старался вспомнить, как выглядела местность, когда всё только начало строиться и развиваться. Лишь пара жалких брошенных домишек сиротливо жались друг к другу среди зарослей бурьяна и кустарников. После начала «Предельного кризиса» его дед – Максимилиан Брукс, памятник которому сейчас стоял в центре площади, привел сюда первую небольшую группу переселенцев, бежавших с севера от радиации, вынужденных покинуть свою общину.

Дед рассказывал, что когда люди стали умирать от побочного эффекта ТТВ19, то ему поначалу было наплевать. Члены возглавляемой им, официально непризнанной Церкви Семи Крылатых Архангелов никогда не принимали мерзкого лекарства, считая его дьявольским искушением, а сам старый Брукс называл ТТВ19 не иначе, как «сатанинские зёрна». Но, в охватившей мир истерике, катастрофа затронула и их. В один из дней, в сорока километрах к северу от общины, с неба упала ядерная ракета, облако радиоактивной пыли накрыло поля, пастбища, да и само поселение. Поэтому на общем сходе приняли решение спешно уходить с обжитого места. Так была найдена долина и начата постройка Эдама.

С тех пор семейство Брукс прочно захватило власть, которая передавалась от отца к сыну. И после долгой болезни старого Ховарда Брукса, его место занял старший из

сыновей – Томас. В течение года после этого два младших брата нового мэра погибли при загадочных обстоятельствах, так что угрозы его правлению не предвиделось.

Томас Брукс был деятельным человеком. Он заключил соглашение с правительством Джефферсона, согласно которому Новый Эдам был вольным городом и жил по своим законам. Мэр долго смеялся тому, как сумел обвести вокруг пальца этих «желторотых сопляков с часиками» на переговорах. Закон здесь был один – его воля. Единственное, что раздражало правителя, это небольшой форпост оплота неподалеку от его владений...

Внимание главы города привлекла стройная женская фигура в сиреновом платье, быстрым шагом перебежавшая площадь и удалявшаяся в сторону окраины. Это была Сара Шварц. До этого она ходила к доктору Прусту, но выбежала из клиники как ошпаренная. Красивая женщина... и овдовела недавно. Мэр посмотрел ей вслед и задумчиво почесал подбородок.

***

Через два часа взволнованная Сара сидела за столом в помещении форпоста сил Джефферсона, сжимая в дрожащих руках чашку горячего чайного напитка. Напротив неё стоял парень в форме с нашивкой сержанта и участливо слушал.

— У моего малыша – болезнь Паркера, — сказала женщина и заплакала. — От неё есть только одно лекарство. У вас есть...

— «Бобы» ... ТТВ19, — сказал Хуан Фанхио, вздохнув. — Да, у меня есть таблетки. По инструкции мы имеем их на каждой базе. Но... вы же знаете, что почти через двадцать четыре года после принятия таблетки человек обязательно умирает?

— Знаю, — кивнула Сара, — но пусть он хоть столько проживет ещё, чем умрет через пару дней в мучениях. Ему только два годика!

— Насколько я знаю, ваша вера очень негативно относится к ТТВ19, — нахмурился Хуан, — ваш священник проклянет вас и объявит слугой дьявола. Другого способа лечения этой страшной болезни ведь нет, кроме «бобов».

— Я смогу убедить доктора Пруста, чтобы он никому не рассказывал об истинном диагнозе, — сказала Сара и помрачнела.

— Вообще это противоречит правилам, — покачал головой парень, — но я думаю, что начальство меня поймёт. Я правда сам не уверен...

— Я знаю, что деньги в оплоте вам не нужны, — тихо сказала девушка, — я могу отблагодарить вас по-другому. Других ценностей у меня всё равно нет...

Её руки стали расстёгивать пуговицы впереди на платье. Вскоре взору Фанхио предстала прекрасная большая грудь. Сара тяжело дышала, её лицо залила краска стыда, отчего она стала ещё желаннее. Хуан протянул к ней руки и, к её удивлению, и даже небольшой обиде, застегнул пуговицы обратно.

Сара была очень красивой, ей недавно исполнилось двадцать четыре года, после родов она ещё похорошела и осталась такой же стройной. Когда она распускала свои угольно-черные волосы, то они спадали почти до пояса. Она знала, что абсолютно все мужчины Эдама, в том числе женатые, да и сам мэр Брукс, хотели обладать ею. А после того, как муж погиб на охоте восемь месяцев назад, ей уже неоднократно предлагали выбрать себе нового супруга. Она чувствовала эти похотливые раздевающие взгляды мужчин каждый раз, когда выходила из дома. И кроме похоти в этих взглядах было ещё столько же ненависти за то, что она всем им отказывала.

Конечно, в свои девятнадцать лет Хуан тоже не отказался бы провести с такой девушкой хотя бы час, но использовать её бедственное положение для удовлетворения инстинктов было бы подло и бесчестно.

— Вот, — парень протянул Саре блистер с двумя таблетками, сделанными в классической форме боба, — поторопитесь домой. Вторая на всякий случай. Бывает, что

одна не помогает. Чем раньше вы дадите её своему малышу, тем будет лучше. Запишите время и отсчитайте ровно 8658 дней...

Она взяла дрожащей рукой эту маленькую вещицу и спрятала в кармашек.

Хуан взял её за руку и слегка её пожал.

— Вы... ты самая прекрасная девушка, которую я знаю. Не обижайся. Если с местными возникнут какие-либо трудности, то сразу забирай сына и приходите сюда. И ещё возьми это, на всякий случай.

Парень дал Саре портативный передатчик, размером с коробку спичек.

— Он настроен на частоту нашего форпоста, — пояснил он, — включается нажатием одной кнопки. Я буду здесь ещё два месяца. Может быть, вы захотите уехать? Я смогу организовать переселение. В сам оплот вам нельзя, но есть единичные случаи, когда мы разрешали жить в пределах внешней территории.

— Не знаю, — вздохнула Сара, — я подумаю. Спасибо вам.

Она развернулась и пошла в Эдам по тропинке через лес. Конечно, ей хотелось спасти сына и уехать подальше отсюда, но всё её воспитание и предыдущий образ жизни никак не состыковывались с этим желанием. У неё уже сложились определённые стереотипы мышления и нужно было ещё большее потрясение, чтобы их изменить. Сейчас ей хотелось только одного – быстрее добраться к своему малышу, который лежал там один и умирал. Она вздрогнула и побежала.

После часа бега она практически выбилась из сил, но зато уже была дома. Ариэль так и лежал в той же позе, что она его оставила. Видимо, паралич уже понемногу охватывал его тело, но дыхание ребенка ещё было ровным. Сару всю трясло, когда она достала таблетку и положила её в маленький ротик, а потом влила в него воды. Ариэль пошевелился и сглотнул. Сара опустилась рядом на стул и тихо зарыдала. Она и не заметила, как отключилась. Когда она очнулась, то увидела, что прошло только пятнадцать минут. И тут раздался громкий детский плач. Малыш проснулся и заворочался в кровати. Его глаза были открыты, мертвенная бледность пропала, равно как исчезла и температура. Всего лишь за такой короткий промежуток времени маленький «боб» победил самую страшную болезнь на планете. И вот уже Ариэль плакал не от того, что ему было плохо. Его стремительно выздоравливающий организм просто хотел кушать.

Утром Сара сразу отправилась напрямик к доктору Прусту.

— Ну что, помер? — вместо приветствия осведомился врач. — Хочешь, чтобы я засвидетельствовал смерть?

— Нет, — ответила женщина, с трудом сдержав гнев, — он выздоравливает.

— От болезни Паркера? — скептически хмыкнул Пруст. — Нужно глянуть.

Он вернулся в дом, набросил пиджак и пошел следом за Сарой, с вождением разглядывая её бедра.

Когда доктор осмотрел мальчика, лицо его сначала побледнело, а потом залилось краской.

— Ты что ему дала?! — прорычал врач. — Где ты достала таблетки ТТВ19?

— Да что вы, мистер Пруст, — пролепетала Сара, — какие таблетки?

— Ты меня совсем за идиота не держи! — зло сказал доктор. — Диагноз я поставил верно, а другого лекарства от этой заразы нет. Это истина! Такая же, как и то, что меня зовут Эмиль Пруст!

— Вы ошиба... — попыталась вновь возразить женщина.

— Заткнись! Ты дала своему ребенку «зёрна дьявола»... Я должен доложить мэру, — сказал Пруст и развернулся к выходу.

— Эмиль, не надо. Прошу! Нас же изгонят, — произнесла Сара и встала у него на пути.

— Хм... Вообще за то, что ты сотворила, только одно наказание – смерть!

— Что? — она задрожала.

— А ты как думала?! За связь с Сатаной легко отделаться? Ты же понимаешь, что теперь твой сын будет угрожать всему поселку. То, что он сам помрет – ладно, но ведь его дети все будут жить меньше двадцати четырех лет, и дети их детей. Да и женщина, которая от него родит, больше не сможет производить на свет божий полноценных людей! Даже секс с ним будет опасен!

— Доктор, ну я вас умоляю! — Сара упала на колени. — Должен быть другой выход!

Пруст тяжело дышал. В его глазах читалась борьба между сомнениями, верой и желанием. Наконец, желание победило. Он взял девушку за руку, поднял с пола и повел в комнату, затем сильно толкнул её на кровать и стал расстегивать брюки.

— Раздевайся! — хрипло проговорил он. — Скорее.

Через две минуты обессиленный Эмиль отпрянул от Сары и откинулся на подушку. Достал сигарету. Закурил.

Сара закуталась в одеяло и отвернулась, сжавшись в комок. Ей было противно и гадко.

— Не переживай, — пробормотал Пруст, — пока ты будешь вести себя хорошо – всё будет нормально. Скажу, что это была не болезнь Паркера, а мононуклеоз с осложнениями. Недели две на улице пусть не показывается.

— Спасибо, — холодно прошептала Сара.

— Через два месяца пост закончится, и мы поженимся. Я пока так заходить буду время от времени. Поняла?

— Да, — чуть слышно прошептала она.

— Так, ну ты сейчас шла бы лучше домой... Пока ты мне не нужна.

Следующие два месяца были для девушки очень беспокойными. Пруст заваливался к ней при первой же возможности, делал своё дело и часто оставался на ночь. Несмотря на пост, он почти всегда приходил пьяным и один раз даже ударил Сару наотмашь, когда та воспротивилась его домогательствам. Синяк не проходил больше недели. Некоторые соседи уже шептались, называли её за глаза шлюхой и противненько улыбались при встрече.

А тем временем доктор Пруст всё же решил жениться, поэтому собрался с духом и отправился к мэру Бруксу за разрешением. Он знал, что Брукс сам был бы не прочь покувыркаться с Сарой, но статус и наличие жены ему мешали. Мэр выслушал просьбу Эмиля и сказал с явной ревностью в голосе:

— А чего это Сара так стала к тебе благосклонна, Пруст? — Раньше она называла тебя не иначе как «очкастой крысой» или «вонючим ослом». Даже лечиться к тебе никогда не ходила. А её покойный муж пару раз хорошо начистил тебе морду.

— Я спас её ребёнка от тяжелой болезни, — соврал доктор и облизал пересохшие губы, — вот она и убедилась, что во мне ошибалась.

— Слышал я эту историю, — холодно произнёс мэр, — про мононуклеоз с осложнениями. Но я слышал и другое. О чём проболтался один паршивый докторишко по пьяни своему собутыльнику...

Пруст побледнел. В голове всплыла картина гулянки недельной давности. «Сука, Исаксон меня сдал. Зачем я тогда трепался?» — ворочались мысли доктора.

— Отдай бабу мне, Эмиль, — сказал Брукс, — сам попользовался вдоволь, дай и другим.

Тут страх Пруста улетучился. Он ощетинился словно ёж и прошипел:

— Нет, она моя! Обломись! Ты не докажешь ничего, я – лучший врач в городе. Ты мне ничего не сделаешь.

— Ух ты какой?! — удивленно произнёс мэр и моментально позвонил в колокольчик.

Двое выскочивших из-за двери крепких мордovorотов сразу отправили тщедушного Пруста в нокаут чёткими ударами. Мэр Брукс добавил ещё три сильных пинка лежавшему на полу телу и плюнул.

— В подвал этого гадёныша, — распорядился Брукс, — жить захочет и в подвале лечить будет. А сучка тоже поплатится за то, что не понимает, с кем ей нужно спать.

Через час уже к Саре нагрянули с обыском люди мэра и нашли среди банок с приправами бесхитростно спрятанный блистер с оставшейся одной таблеткой ТТВ19. Её забрали вместе с сыном в тюрьму и держали там уже три часа.

Мэр уже предвкушал свой триумф и возможность шантажировать девушку, заставив её лечь к нему в постель, как вдруг его радость омрачил помощник.

— Господин Брукс, доктор Пруст убежал и в баре всем рассказал о том, что Сара дала сыну ТТВ19.

— Вот тварь! Хитро придумал. Решил, чтобы она не досталась никому... Как он сбежал?

— Один из сторожей выпустил. Пруст раньше его оперировал и жизнь спас...

— С этим идиотом я позже разберусь! Попробуем извлечь из ситуации максимум пользы. Отца Макси ко мне!

Помощник умчался исполнять приказ, а мэр подошёл к окну и прошептал:

— Эх, Сара, не суждено мне тобой овладеть... А может это Господь оберегает меня от греха, раз так сложилось.

Томас Брукс взглянул на церковь, перекрестился и увидел, что через площадь вприпрыжку бежит его помощник в сопровождении отца Макси.

***

Хуан Фанхио лежал в гамаке. Сегодня был предпоследний день его сторожевой вахты. Завтра ему следовало отбыть обратно в Джефферсон, чтобы вернуться к любимой работе автомеха-электрика. До дежурства оставалось ещё три часа, поэтому сейчас он слушал в наушниках аудиокнигу – «Мессию Дюны» Фрэнка Герберта и бросал дротики в висевшую на дереве мишень. Его приятное времяпрепровождение прервал резкий писк коммуникатора, прорвавшийся через звучащий в ушах голос рассказчика. Он посмотрел на экран и увидел, что сигнал шёл из Эдама. «Сара!» — сразу пронеслась мысль в его голове. Фанхио вскочил и помчался к зданию форпоста. Через две минуты броневтомобиль «Ача» под его управлением уже мчался по направлению к поселению.

***

Площадь Нового Эдама буквально бурлила от эмоций.

— Она дала ребенку «сатанинские зерна»! – проревел отец Макси. — Иного способа его спасти не было! Теперь душа этого несчастного чада принадлежит дьяволу!

С этими словами он вытолкнул девушку вперед.

— Представьте себе, — продолжил мэр Брукс, — теперь и его потомство будет обречено жить только двадцать три года. И души его вероятных детей уже тоже заложены дьяволу!

— Что вы такое говорите, — прошептала Сара, — ему только два года исполнилось, а вы уже решаете наперед...

— Это ты решила, наша заблудшая сестра! Твой сын должен был умереть младенцем и попасть в царство небесное, но ты отправила его прямо в ад! — заорал Брукс.

Люди настороженно загудели, стали шептаться и переговариваться друг с другом.

— Нет более тяжкого греха, чем принятие в себя этой богопротивной дряни! — в тон мэру завопил священник.

Гул толпы звучал уже осуждающе и сурово.

— За такое святотатство и попрание устоев общины есть только одно наказание – смерть, — спокойным, но громким голосом подвел черту мэр Брукс.

Людская масса уже приготовилась броситься на беззащитную женщину, которая стояла перед ней на площади, прижав ребёнка к груди. Маленький Ариэль уткнулся в плечо матери и боялся обернуться. Раздавались отдельные крики ярости, полные ненависти и жестокости. Сара в ужасе смотрела на этих людей, с которыми прожила много лет бок о бок. Вон – сосед Питер Хаггис сжимает в руке железную трубу, а только на прошлой неделе она принимала их с женой за праздничным обедом. Рядом с ним – Луиза Декстер с горящими от ненависти глазами. Бог мой! Ведь лишь три дня назад она просила у неё дать поносить то зеленое платье. В силу воспитания Сара искренне считала что согрешила, но надеялась, что если Господь не простит, люди-то смогут её пожалеть! Ведь она всего лишь спасала жизнь своему ребенку!

Ещё пара минут и все эти добрые соседи, знакомые и незнакомые мирные люди разорвут её в клочья. Вся надежда осталась только на то, что то нажатие кнопки на спрятанном в белье маленьком пультике было не напрасным.

Подобно хищному зверю раскрашенный в леопардовый камуфляж внедорожник «Ача» врезался между женщиной и толпой, заставив напивавших селян отскочить.

Двое совсем молодых чернокожих подростков в пятнистой форме сил безопасности Джефферсона выскочили из него и направили на людей стволы автоматических плазмометов. Перед этим грозным оружием толпа отступила. Плазмомет был способен прожечь нескольких человек даже одним сгустком энергии.

— Сара! Садитесь быстрее назад! — заорал водитель, в котором она узнала Хуана Фанхио.

Женщина не заставила себя долго ждать и в мгновение ока запрыгнула на заднее сиденье вместе с ребёнком.

— Какого чёрта?! — побагровел от гнева мэр Брукс. — Это наше внутреннее дело! Оплотские щенки не могут вмешиваться!

Из толпы кто-то бросил камень, который пролетел буквально в сантиметрах от головы одного из солдат и ударился в бронированное стекло внедорожника. Фанхио очень захотелось выскочить из-за руля и надавать Томасу Бруксу по роже, но он понимал, что это был бы глупый поступок. Это можно будет сделать потом, если они сумеют выбраться.

Среди людей мелькнул ствол охотничьего ружья, а несколько человек побежали вперёд, вероятно, чтобы перегородить автомобилю дорогу.

— Боб, Коби, уходим! — скомандовал Хуан Фанхио.

В это время откуда-то из задних рядов грянуло два выстрела. Дробь звякнула по бронированному щитку на плече Боба, несколько дробинок отскочили и обожгли ему щёку. Коби затолкал товарища в машину и пустил пару очередей над головами собравшихся для того, чтобы их поугаить. Но когда он захлопнул дверь, скрывшись в салоне, тут же по корпусу начали стучать удары брошенных камней, а несколько раз и пуль.

— Долбаные сектанты! — выругался Хуан. — Держитесь!

Внедорожник помчался по улицам, поднимая тучи пыли. Фанхио отчаянно крутил баранку, влетая в повороты с заносом. Время от времени раздавались выстрелы преследователей, старавшихся не отставать. Из боковых переулков выскочили уже четыре автомобиля, от которых представлялось достаточно сложным оторваться в сельской черте. Нужно было выехать из поселка, а там уже мощный электродвигатель «Ачи» имел огромное преимущество перед старыми агрегатами местных машин.

— Может пальнуть по ним? — спросил Боб, поморщившись от боли в щеке.

— Не надо пока. Неоправданное насилие с нашей стороны излишне, — ответил Хуан и утопил педаль в пол.

Они уже были на дороге от Эдама к форпосту Джефферсона, когда в заднюю часть «Ачи» ударило что-то мощное и раздался взрыв. Бронированное стекло поглотило его энергию, но треснуло и часть его осыпалась.

— Гранатомёт?! — удивился Боб. — И ты ещё говоришь про неоправданное насилие?

— Да, нужно будет провести рейд по изъятию запрещенных армейских вооружений, — пробормотал Коби.

Ещё один снаряд врезался в дерево прямо рядом с дорогой. Стройная березка была буквально срезана и рухнула в сторону.

Фанхио свернул на бездорожье и решил сократить путь через рощу. Но он не учёл того, что местные знали эти леса лучше, поэтому очень удивился, увидев два джипа, вылетевших буквально ему навстречу. Затрещали автоматные очереди, пули застучали по лобовому стеклу, но оставили на нём лишь несколько мелких сколов.

Хуан вдавил педаль в пол и протаранил встречный джип, отбросив его в сторону с дороги. Путь снова был свободен. Но, как всегда бывает в таких ситуациях, случилось непредвиденное. Правое переднее колесо «Ачи» попало в глубокую заросшую яму, из-за чего внедорожник опрокинулся на бок.

Фанхио первым делом посмотрел, как там Сара с малышом. Ариэль надрывно кричал, но был невредим, да и его мать не пострадала. Боб и Коби уже выбирались через оказавшуюся наверху дверь. Хуан знал, что эти ребята будут биться до последнего. Но вокруг уже слышался рёв моторов и злобные крики людей. Десятки жителей Нового Эдама окружали беглецов. Все они были хорошо вооружены.

Когда Хуан с товарищами вытащили Сару наружу, уже стало ясно, что бежать некуда.

На чёрном шестиколесном транспорте к ним подъехал сам мэр Брукс. Его сопровождали семеро бойцов. Остальные остановились метрах в тридцати. Окружённые около перевернутого «Ачи» ребята из Джефферсона приготовились подороже продать свои жизни. Боб потёр кровоточащую щёку и перевёл своё оружие в режим полного автоматического огня при максимальном расходе заряда. Жаль, что они не были экипированы в «ангельскую» броню! Тогда эти мерзкие деревенщины практически не смогли бы причинить им вреда. Надетые на солдат лёгкие бронекостюмы тоже были неплохи, но одновременного огня из стольких стволов, они точно бы не выдержали. Сара с малышом спрятались за спину Коби, который сжимал в руке импульсную гранату и был полон решимости пустить её в ход.

Хуан Фанхио решительно вышел навстречу мэру Бруксу. Он демонстративно опустил ствол плазмомёта вниз. Глаза парня горели злобой и он с трудом сдерживался, чтобы не устроить здесь кровавую бойню. Смерти Фанхио не боялся, но он уважал жизнь других людей, пусть и врагов. Противники остановились на расстоянии пары метров друг напротив друга.

— Оплотчики, валите обратно в свой Джефферсон, — прорычал Брукс, — мы вас отпускаем.

— А Сара? — спросил парень, хотя ответ был ясен заранее.

— Она – член общины, мы её заберём, — уверенно сказал мэр, — не лезьте в наши внутренние дела.

— Когда кто-то творит насилие над беззащитным, это уже не внутреннее дело, — произнес Хуан.

— Мальчик, ты ничего в жизни не понимаешь, — усмехнулся Брукс, — это в оплоте вас учат такой ерунде, а здесь – реальность!

Ему было противно разговаривать с этим молокососом на равных. Но даже в своей самоуверенности Брукс был осторожен. За убийство своего гражданина оплот мог нещадно покарать. Так что нужно было действовать не так прямолинейно.

— Мы не будем её казнить, не переживай, — уже более дружелюбным тоном сказал градоначальник, — я даю слово. И ребёнку дадим прожить сколько отпущено...

— Так я вам и поверю... Даже если она будет жить, я представляю, что это будет за жизнь, — сказал Хуан.

— Её всё равно не примут в оплот. Думаешь, что я ваших законов не знаю. Исключений вы не делаете. За самовольные действия ты получишь много проблем, сержант. И за ТТВ19 придётся отчитаться!

— У нас здравомыслящее руководство, — сухо сказал Фанхио, — бездумно не наказывает.

— Оставь женщину, последний раз предлагаю, — жёстко проговорил мэр, — или мои люди с удовольствием пристрелят вас всех.

Фанхио просто покачал головой.

— Чего башкой трясёшь? — не выдержал Брукс.

— Ты не рискнёшь потерять власть. Ты слишком её любишь, — тихо ответил Хуан. — Убив нас, ты лишишься всего. Слишком много следов.

— Так я спишу это на нескольких своих оголтелых придурков и их личную инициативу, — прошептал Томас Брукс, — и даже сам выдам негодяев оплоту. Как тебе такой вариант?

Хуан на некоторое время замер в замешательстве. Такой хитрости он не предвидел.

— Соглашайся, мальчик, — широко улыбнулся мэр, — пока я добрый. И не глупи...

Хитрый Брукс загнал парня буквально в тупик, но случай распорядился так, что план мэра сорвали его же подручные. Туповатый телохранитель Аксель Бакс расценил движение Коби, как попытку бросить гранату и машинально выстрелил из охотничьего карабина. Пуля попала точно в грудь солдата и отскочила от брони. Тут же граната полетела в сторону стрелявшего. Деревенщины бросились в разные стороны и успели упасть на землю, прежде чем взрыв уничтожил всё в радиусе пяти метров, включая и часть джипа. Даже верхний слой почвы был срезан, как будто лезвием. Через секунду шквал огня из всех стволов должен был обрушиться на беглецов, но Фанхио сумел всё исправить. Он успел схватить Брукса и приставить к голове негодяя карманный бластер.

— Не стреляйте! — сразу же завопил мэр, обращаясь к своим людям.

— Вот разнесу твою башку сейчас, — зло прошептал Фанхио.

— И потом погибнешь сам, вместе с товарищами, — не менее злобно прошипел Брукс в ответ.

Вдруг жители Эдама резко побежали к своим машинам и поспешили скрыться, невзирая на призывы их мэра остановиться. Хуан рискнул чуть-чуть повернуть голову в сторону и понял, что подмога успела вовремя.

***

К ним быстро приближались пять броневых автомобилей «Ача» с флажками вооруженных сил Джефферсона. Теперь можно было расслабиться. Прибывшие два взвода солдат быстро навели порядок, отобрали у не успевших сбежать жителей Эдама оружие и

отправили их по домам. Капитан Рассел решил доставить на аванпост только мэра Брукса, который всю дорогу молчал и сжимал кулаки в приступе бессильной злобы.

— Зачем же ты влез, паршивец? — спросил он у Фанхио, когда его сажали в автомобиль.

— Вы бы убили невинного... женщину, — ответил парень.

— Мы строили рай на земле, ублюдок, — выдохнул Брукс, — а в раю должен быть порядок!

— Во главе с полоумным наместником бога? То есть с вами? — поинтересовался Хуан.

Брукс отвернулся и плюнул на колесо броневика.

***

— По законам оплота она не может остаться и жить здесь постоянно! — решительно сказал временный председатель сената Джон Смит.

— Почему у нас такие дурацкие законы? — спросил Хуан Фанхио.

— Они не дурацкие, — ответил Смит, — ты же прекрасно понимаешь, что люди, время жизни которых ограничено только их индивидуальной физиологией, проживут значительно дольше нас. Соответственно, у них будет больше возможностей для самореализации, что нарушит наш основополагающий принцип равенства!

— Да какую угрозу она может представлять?! — возмутился Хуан.

— Угрозы может и не представляет, но это нарушит сложившийся порядок, — ответил Смит. — Пусть живёт в Сан-Сити, будешь ездить к ней часто.

— Я уже слышал сегодня про порядок от одного типа, — покачал головой Фанхио.

— Хуан, — мягко сказал Джон, — никто её не ущемляет в правах. Сан-Сити вполне милый городок с адекватными людьми. Он под нашей защитой и уровень технологий там вполне приемлемый. А что касается порядка, то он действительно должен быть. Ведь его нарушение не приведет к достижению каких-либо благ.

Фанхио молчал, возмущенно раздувая ноздри.

— Хорошо дуться! — рявкнул Смит.

— Ладно, я понял..., — угрюмо произнёс парень.

— Хуан, я вижу, что тебе нравится эта девушка, но подумай, согласится ли она, чтобы все ваши общие дети умирали, не дожив до двадцати четырех лет? — начал сенатор. — Да и вообще, если ты с ней пересподишь хоть раз, её шансы на рождение обычного ребенка будут минимальными.

Фанхио молчал и смотрел себе под ноги. Он осознавал правоту собеседника, но разум никак не мог её принять.

Глава 10. Там, где жили драконы

— Бей! Ещё раз! Резче! — голос старого учителя был спокоен, но строг.

Чак Ли вращался среди вбитых в землю деревянных кольев, с надетыми сверху глиняными сосудами. Каждым своим ударом он должен был разбить один из них.

— Атакуй сразу двоих! — скомандовал старик.

Чак машинально нанес удары руками одновременно в обе стороны. Звук бьющихся кувшинов не заставил себя ждать. Черепки ссыпались вниз.

— Уф! Вроде все! — весело крикнул парень. — Мастер Лао, может устроим спарринг?

Дан Лао усмехнулся и поправил свою широкополую шляпу.

— И не стыдно тебе, юный Чак Ли, предлагать такое своему старому больному наставнику? — прошамкал он издевательским тоном и отвернулся, изображая обиду.

— Ну, как скажешь, мастер! — отозвался Чак. — Тогда — лови!

И он сильно запустил в старика половинкой кувшина. Тот, не оборачиваясь, махнул рукой назад и разбил кулаком летевший ему в спину кусок глины. Потом он развернулся и улыбнулся своему ученику.

— Ты велик, о мастер Лао! — сказал Ли и поклонился.

Он натянул на своё худое жилистое тело белую футболку с изображением дракона, рукой взъерошил каштановые волосы на голове, мельком взглянул на таймер и подошел к учителю. Вместе они стояли на краю обрыва и смотрели на раскинувшиеся внизу просторы рисовых полей, залитых водой.

Больше ста лет назад, там бы трудились тысячи людей, фактически обреченных на эту «рисовую каторгу», от рассвета до заката стоя по колено в холодной воде. Но сейчас по полю осторожно передвигались лишь несколько манипуляторов, похожих на огромных пауков с тонкими ножками. В ближайшие пару лет планировалось перевести их на полностью автоматический режим работы, но пока каждому ещё требовался оператор. Таким оператором и работал Чак Ли. Удаленность от города парня не пугала, так как по скоростному шоссе электрокар добирался до него за каких-то пятнадцать минут, развивая скорость около трехсот километров в час. Кроме этого, Чак Ли ещё заседал каждую неделю в совете своей секции оплота и раз в месяц — на общем собрании народных представителей. Его, как и всех остальных, избрали на эту должность онлайн-голосованием на этот год.

В свободное время Чак любил писать стихи, рисовать пейзажи и давно забытые прекрасные китайские иероглифы. А главными его увлечениями были древние восточные философии и боевое искусство.

Учитель Дан Лао происходил из монахов одного древнего культа, которые жили в затворничестве, посвятив свою жизнь совершенствованию духа, тела и боевым искусствам. Естественно, что появление ТТВ19 несколько их не впечатлило, так как они полагали, что смогут достичь бессмертия другими способами. Но, тем не менее, у них возникла проблема. Дело в том, что монахи давали обет целомудрия, их ряды пополнялись за счет обычных людей, ищущих свой особенный путь в той безумной старой жизни. Массовые смерти по всей планете привели к тому, что за пару десятилетий после «Предельного кризиса» культ не получил ни одного нового монаха. Они так и сидели и старели в своем монастыре на высокой горе среди лесов. И число братьев медленно, но неотвратимо уменьшалось, пока их не осталось меньше сорока человек.

Так продолжалось до тех пор, пока не умер старый великий учитель Ли. Пришедший ему на смену новый великий учитель Цзы принял самое революционное за тысячелетнюю историю монастыря решение. Он вызвал к себе тринадцать самых молодых из оставшихся в живых монахов и повелел им идти в разные стороны света, найти по женщине и привести их в монастырь по доброй воле. Естественно, главным требованием была её чистота (в смысле ни разу не использование ТТВ19) и детородный возраст. В течение трех лет вернулись только пятеро братьев, но каждый привел с собой по девушке. Все они были фактически дикарки из очень отдаленных, почти вымерших деревень в горах, где не то что о ТТВ19 никто никогда не слышал, но даже электричество вызывало у них суеверный страх.

Право стать отцами монахи разыграли между собой посредством жребия. И примерно через год каждая новая обительница монастыря родила по... девочке. Учитель Цзы философски воспринял эту новость и объяснил такой неожиданный результат отсутствием у новоиспеченных папаш достаточной практики и должного духовного настроения во время зачатия. А посему, учитель сам решил подать пример, совершенно случайно

выбрав для своего благого дела самую красивую из имевшихся дам. На тот момент первым детям уже было по два года и девчужки весело топали своими ножками по старинным каменным плитам, оглашая древние стены монастыря своими радостными криками или сердитым плачем, вместо заунывных протяжных молитв, к которым те привыкли. Учитель Цзы подал хороший пример, став отцом в шестьдесят три года. Его дочурка была его точной копией в молодости...

Монахи пали духом. Самые старые начали говорить, что вся эта идея была изначально противна божественной воле. И те, кто согрешили, не только не спасли ситуацию, но и обесчестили память предков. Под их влиянием оказались почти все обитатели монастыря, даже те, кто уже вступил на путь порока. Они приняли обет покаяния и удалились в монастырские подвалы для его исполнения. Под давлением общественности, чтобы сохранить власть, учитель Цзы был вынужден отселить женщин на пару километров ниже по склону горы. Для них выстроили удобные домики, передали некоторые запасы еды, а потом оставили одних с орущими детьми. Старики мудро решили, что «эти проклятые бабы сами как-нибудь впятером справятся». С тех пор вновь установился строжайший запрет на все контакты между обитателями монастыря и женщинами. Исключение за пять лет было сделано лишь раз, когда один из домиков загорелся. Тогда монахи быстро помогли и убежали обратно. Но один из них, самый юный, сорокатрехлетний Пу Бавей задержался там минут на десять дольше остальных.

Через девять месяцев с небольшим великий учитель Цзы стоял на утесе и с грустью смотрел вниз на видневшиеся вдалеке крыши домиков. И до его уха донесся детский плач такой силы, что он обомлел. Девочка так плакать не могла. Цзы говорил, что никогда в своей жизни он не бегал так быстро, как в тот раз, что мчался по склону.

«У нас родился мальчик!» — радостный крик великого учителя оглашал окрестности многократно, разносясь вокруг раскатистым эхом.

Мальчика назвали Дан Лао. Его отца, Пу Бавея, признавшего в своем грехе, сначала слегка выпороли за непослушание, а потом благодарили каждый день почти год. Хотя он всегда утверждал, что никакого умысла не имел, а просто тогда чьи-то руки нечеловеческой силы схватили его и затащили в темный сарай...

Весь первый год Дан Лао рос, как отпрыск королевской семьи. К нему было приковано внимание абсолютно всех обитателей и нижнего, и верхнего «ярусов» горы. А потом... родились ещё двое мальчиков... ещё трое... Но Дан был первым.

Чак Ли слышал от своего учителя эту историю неоднократно. Дан Лао вообще был очень разговорчивым и весёлым человеком. Он вполне мог бы стать новым великим учителем, но не хотел. Ему нравилось возиться с детьми, он искренне любил обитателей оплота. Из всех жителей монастыря он больше всего времени проводил вне его стен, частенько ночевал в «женской деревеньке» и охотно пользовался подаренной ему антигравитационной доской, чтобы сокращать время в пути и вытворять всякие интересные трюки.

— Как там в деревне дела? — спросил Чак.

— А... женщины, — улыбнулся учитель, — слава богам, что мы живем в двух километрах от них и лишь изредка посещаем. Как вы своих терпите...

— И как посещения? Плодотворно? — засмеялся Чак.

— А ты всё же мелкий паршивец! — сказал Дан Лао. — Дерзишь старшему! В твои-то двадцать лет.

— Уже меньше четырех лет до смерти, — серьёзно ответил Ли, — в какой-то мере меня можно считать стариком.

— Да, — только и хмыкнул учитель Лао, невольно бросив взгляд на таймер парнишки.

— Ну, мне сейчас предстоит поработать, — сказал Чак, — я сегодня хорошо занимался?

— Ты просто молодец! — без всякой лести ответил Дан Лао. — Лет за десять тренировок ты бы стал величайшим бойцом.

— Ладно, спасибо, учитель! — смутился парень. — До следующей пятницы.

— До свидания, — кивнул Лао, — встал на парящую доску, завис в полуметре над землей и неспешно стал двигаться по направлению к горам. Его высокая худощавая фигура в оранжевом кимоно ещё долго выделялась на их фоне ярким пятном. Картина природы завораживала и казалось, что вот-вот мелькнёт над вершинами силуэт мифического дракона из древних преданий.

Чак Ли посмотрел учителю вслед и уже хотел было залезть в манипулятор, чтобы обрабатывать поле, как вдруг раздался звонок коммуникатора.

— Привет, друг мой, — сказал появившийся на экране Стэнли Пак.

— Здравствуй, Стэн! — ответил он.

— Скажи, а ты был когда-нибудь в Новом Новгороде? — неожиданно заинтересовался его товарищ.

— Нет, чего я там не видел? — пробормотал Ли.

— Да есть тут дельце одно... Мы решили тебя делегировать на совещание всех оплотов как одного из самых уважаемых членов собрания народных представителей.

— А меня спросить? — усмехнулся Чак.

— Вот я и спрашиваю. Хочешь, я сам поеду, но тут у нас праздники на носу, а ты их особенно не любишь...

— Ладно-ладно. Чем пялится на эти фейерверки опять... А чего они не хотят в он-лайне поговорить?

— Важное что-то планируют сообщить. На моей памяти это только второй раз такое совещание.

— Хорошо. Выплюсь хоть в «Кондоре» по пути. Когда лететь?

— Завтра в два часа дня.

— Я тогда сегодня ещё поработаю и завтра смену пораньше начну. Буду в оплоте около полудня. Ну, бывай.

Он отключил связь, с легкостью взобрался по лесенке в кабинку манипулятора и включил двигатель. «Паук» быстро засеменял тоненькими ножками по воде, осторожно ступая среди зеленых рисовых стебельков.

Глава 11. Разум когда-нибудь победит

Общая встреча представителей всех оплотов состоялась в Новом Новгороде. Это решение приняли исходя из его наиболее удачного географического положения. Вообще такие встречи были нетипичными, так как практически любую проблему обычно обсуждали с использованием спутниковых средств видеосвязи. Это раньше считалось нормальным всем власть имущим собираться в одном месте, чтобы обсудить свои тёмные делишки с глазу на глаз. Все эти саммиты, съезды, конференции всегда порождали транспортный коллапс, повышенные меры безопасности и были очень неэффективны. Зачастую их реальным итогом становилось лишь групповое фото участников, да ещё несколько формальных заявлений лидеров, которые и так всем были очевидны.

Новое время породило новые правила и новое понятие власти. Если раньше для большинства людей власть ассоциировалась с возможностью беспрепятственного личного обогащения, навязывания другим своей воли и реализации своих многочисленных комплексов, то сейчас единственным и очевидным её содержанием стала ответственность.

В просторном зале за круглым столом собрались представители всех оплотов. В каждую делегацию могло входить до пяти человек, но из Джефферсона прилетели лишь четверо, включая открывшего совещание сенатора Джона Смита – крепкого темноволосого парня в клетчатой рубашке. После обычных приветствий он сразу перешел к делу.

— Во-первых, у нас возникла большая проблема, — сказал сенатор Смит, оглядев собравшихся грустным взглядом.

После этого он замолчал, словно не зная, как продолжать.

— Ну, не тяните! — нетерпеливо воскликнула председатель делегации Санта-Маргариты, красивая черноволосая мулатка Ева да Силва.

— Как вы все знаете, согласно Договору Номер Два, образцы и оборудование для производства ТТВ19 находятся у нас, в Джефферсоне. Время от времени мы запускаем конвейер и выпускаем новые партии вакцины или непосредственно «бобов»...

— Это весьма познавательно, мистер Смит, но мы же это знаем, как вы сами совершенно справедливо сказали, — вкрадчиво прервал его Чак Ли.

— Тихо! Прошу тишины! Раз уж собрались в кои-то веки, то давайте слушать друг друга, — вмешался Сергей Медведев.

Достаточно быстро все умолкли.

— Спасибо, Серёж, — выдохнул Смит, — я просто хочу детально изложить ситуацию. Поверьте, это действительно важно.

— Не волнуйся, Джонни, — мы все тоже нервничаем, — кивнул Медведев.

— Сам по себе процесс производства основы для ТТВ19 прост и возможен даже в кустарных условиях. Раньше вы просто помещали часть инопланетного метеорита в сосуд с водой, где была концентрация соли была шесть целых шестьдесят шесть сотых процента. При этом выделялось вещество, служившее основой для изготовления ТТВ19. Но две недели назад, когда понадобилось вновь пополнить запасы ТТВ19, и наши ученые повторили эту, уже многократно проделанную процедуру... никакого эффекта не было.

— Как так?! — воскликнула да Силва.

— А вот сейчас доктор Браун вам всем продемонстрирует! — резюмировал Смит.

— Браун? Тот самый? — удивился делегат от Изгиба Хуанхэ, Аджит Неру.

— Нет, конечно же! Но доктор Джим Браун является прямым потомком своего знаменитого предка по линии его двоюродного брата. В общем, дальний племянник.

Тем временем на сцену вытащили тринадцать раскладных столиков, на которые установили столько же аквариумов с водой. На стенках сосудов крупным шрифтом высвечивались параметры находившейся в них жидкостей, так что всем было отчетливо видно три шестерки с запятой, означавших концентрацию соли.

Джим Браун прошел между столами и опустил в каждый из аквариумов по чёрному кубику, которые он доставал из большого металлического кейса специальными щипцами. Лишь один элемент дал еле заметную реакцию, но вместо привычного вещества ярко-красного цвета в воду выделилось лишь несколько бледно-розовых капель. Больше не происходило ничего.

Собравшиеся заворожённо смотрели на происходящее. Кто-то даже подошел поближе, чтобы лучше видеть. Но сколько бы все не напрягали зрение, никакого эффекта в аквариумах разглядеть не получалось.

— Может сами предметы не те... — пробормотала Ева да Силва.

— Нет, мисс, — отозвался Браун, — сами элементы как раз те. Мы их даже везли в двух самолетах, разделив на две партии, чтобы в случае неожиданной катастрофы не потерять всё.

— А вы, естественно, не можете сказать про эти объекты ничего нового? За сто лет так и не смогли их изучить хорошенько? — ухмыльнулась Ева.

— Они не поддаются изучению. Их нельзя ничем просветить, распилить, просверлить, уничтожить, наконец. Я полагаю, что они просто исчерпали свой ресурс.

— А вы сообразительный! – съязвила девушка.

— Какой есть! – в тон ей ответил Браун.

— Хватит пикироваться! — рассердился Смит. — Теперь вы все понимаете важность проблемы, с которой нам предстоит столкнуться. Только человечество адаптировалось к нынешним условиям жизни и даже сумело обратить-таки даже ТТВ19 себе на пользу, как вдруг... мы опять попали в неприятности.

— А насколько велики запасы ТТВ19? — спросил Медведев. — Только в нашем оплоте на складе есть около пятисот тысяч «бобов». В других должно быть примерно также?

— Ну да, запасы есть, — сказал Браун, — в Джефферсоне даже существенно побольше будет, но теперь мы знаем, что они не бесконечны.

— А что тут трагичного? — вдруг задал вопрос Неру. — Все мы и так рождаемся с частицей ТТВ19 в организме.

— Да, но ведь мы даже СПИД лечим через раз другими методами, рак тоже, а про болезнь Паркера я вообще молчу... Нужно более серьёзно заняться развитием медицины в этих направлениях в ближайшее время, чтобы не уповать лишь на «бобы»! — раздраженно ответил Чак Ли.

На некоторое время в зале воцарилась тишина.

— Что ж, похоже мои разработки придутся весьма кстати в сложившейся ситуации, — раздался голос делегата от Силенда, Кита Вилмута.

— Вы это о чём, Кит? — поинтересовался Аджит Неру.

— Я называю это «Проект Возрождение», — улыбнулся ученый.

Все взгляды собравшихся теперь были направлены на него.

— Так, и в чём же суть вашего проекта? — спросила да Силва.

— Я предлагаю возродить человечество путем выращивания новых людей в автономных модулях со стадии яйцеклетки.

— Люди из пробирок? — покачал головой Ли.

— Можно и так сказать. Но зато срок их жизни не будет ограничен таймером. Это будут обычные индивиды. Такие же, как и мы с вами. У них не будет такого мощного иммунитета, но с развитием медицины мы сможем излечивать и самые страшные заболевания. Я в этом уверен. Генетический материал можно отбирать у тех представителей человечества, чьи предки не употребляли ТТВ19.

— А вы представляете себе, сколько нужно таких автономных модулей для «выращивания» людей? — спросил Медведев. — Кстати, хоть один-то есть прототип?

— Нет, — замялся Вилмут, — но чертежи я уже подготовил.

— И о чём тогда мы здесь рассуждаем? — скептически хмыкнула Ева.

— Да, как можно так уверенно говорить об этом проекте и возлагать на него большие надежды, если даже не было ни одного удачного эксперимента?

— Как вы на меня набросились! Причём все! — закричал Вилмут. — Мы вообще-то можем использовать для начала не модули, а... женские организмы.

— Но ведь дети соприкоснутся с матерью всё равно, — сказала Ева, — а мы все изначально рождены с ТТВ 19.

— Можно взять женщин не из оплотов, — вкрадчиво предложил Кит, — они будут вынашивать нам потомство.

В зале поднялся недовольный ропот.

— Суррогатное материнство значит? Опять? — хмыкнул Медведев. — Давайте попрыгаем по ржавым граблям, которые били по лбу ещё наших предков!

— Сергей, вы как-то изначально негативно настроены, — укоризненно сказал Вилмут. — Мой проект вполне реален и позволит нарастить темпы человеческого производства в разы. Когда вырастет новое поколение, они смогут самовоспроизводиться.

— Хм... Кит интересные вещи говорит, — произнёс Аджит Неру и почесал затылок, — но не хотелось бы проводить опыты на себе подобных. Это – нонсенс!

— Да, а вдруг женщины не захотят вынашивать подсаженных к ним детей? — спросила Ева. — Или не захотят этих детей потом отдавать?

— И сколько вообще нужно таких женщин? — вставил Чак Ли. — Не думаю, что добровольцев наберётся достаточно.

— Мы можем простимулировать их желание, — пожал плечами Кит, — предоставить более комфортные условия проживания. Кроме того, зачатие можно проводить и естественным способом. Мужчины же тоже остались... здоровые.

— К чёрту, Кит! — не выдержал Медведев. — Вашу энергию направить бы на разработку решения существующей проблемы, а вы предлагаете просто взять и обойти её. Давайте выведем новую расу людей! А все остальные пусть сдохнут!

— Сергей, вы приписываете мне то, чего я не говорил, — возразил Вилмут, — но я вижу общий настрой присутствующих против своей идеи, так что лучше помолчу. Но у нас свободное общество и ограничить мои исследования никто не сможет!

— Но и помогать не будем! — отрезал Медведев.

***

Встреча утвердила концепцию жёсткой экономии ТТВ19 и обозначила приоритет медицинских исследований в сфере борьбы с самыми страшными заболеваниями. Итоги совещания в полном объёме изложили в соответствующем протоколе, который сразу же был представлен на обсуждение общественности.

Единственный вопрос, который был обойдён вниманием, касался проекта «Возрождение». После долгих пререканий Кит Вилмут всё же согласился, что решение такого значения должно быть принято на всемирном референдуме. И, поскольку ему только исполнилось двадцать лет, он мог ещё ждать года три и проводить свои исследования, особо их не афишируя.

Алексей Жуков молчал всё заседание. Он так и не рассказал собравшимся о записях Лекса Годсона. Несколько раз парень хотел попросить слова, но не решился. Слишком уж неправдоподобно выглядела вся эта история. Но хранить внутри себя полученное знание было бы слишком тяжело и глупо. Информацией следовало делиться, так что Жуков решил дожидаться окончания совета.

Глава 12. На пути к надежде

После заседания Алексей Жуков догнал шедшего по коридору Джима Брауна и тронул его за плечо.

— Да, — обернулся тот.

— Извини, Джим, — привет, меня зовут Алексей, можно Алекс. С тобой можно поговорить наедине?

— Привет. Ну, давай выйдем и в сквере посидим на лавке. Погода сегодня отличная, да и не занят я сейчас.

— О'кей!

Парни направились к выходу и через непродолжительное время нашли свободную скамейку в тени плакучей ивы. Алексей принёс два стакана газировки из автомата. День уже близился к концу, но было ещё жарко.

— Так о чём будем разговаривать? — спросил Браун, с наслаждением отхлебнув холодного напитка.

— Ты же потомок Гордона Брауна? — скорее утвердительно, нежели вопросительно произнес Жуков.

— Вроде ты был на совещании... Ладно, ещё раз повторю. Да, я его потомок, но не прямой. Хочешь подробнее узнать мою родословную?

— Не обижайся, я просто уточнил, — улыбнулся Алексей, — я тут недавно перечитывал мемуары доктора Брауна... Но после этого я прочёл ещё более интересную книгу. Её автор — сам Годсон!

— Один из легендарных руководителей «ЮФИ»? — удивился Джим. — Где это ты смог раздобыть такую книжку? Сомневаюсь в её подлинности.

— Её подлинность подтвердил человек, который видел, как она писалась. Он живет... жил рядом с Мальброком.

— Быть не может! Годсон должен был умереть через столько же дней, как и все другие, после того, как принял первую ТТВ19. Или он...

— Не принимал, — закончил Жуков, — я тоже был ошарашен этой информацией.

И он рассказал Брауну о своем визите к Нулу Фрейтасу. Джим долго хлопал глазами и изумленно слушал, слегка приоткрыв рот.

Постепенно разговор перешел на источники ТТВ19.

— Так вот, ты же из Джефферсона. Скажи, не было ли кроме этих тринадцати чёрных кубиков найдено что-нибудь необычное на месте падения метеорита? — спросил Алексей. — Может у вас хранится в лаборатории?

Браун молчал. Он был потрясён.

— Ты имеешь в виду некое «ядро» или «шар»? — наконец медленно проговорил Джим.

— Неужели оно реально существует? — настал черед удивляться Алексу.

— Вопросом на вопрос..., — улыбнулся Джим, — у нас его нет. Я слышал про этот «шар» только от бьющегося в припадке Марселя Англома. Я думаю, ты в курсе, кто это.

— Бессмертный? Значит, он знает про него?

— Подожди, — прервал Алекса собеседник, — я тебе рассказал, откуда знаю про «ядро». Теперь ты мне объясни.

— Сам прочти, — кивнул Алексей, — достал из портфеля книгу и протянул Брауну, открыв на нужной странице.

Джим дважды просмотрел текст и минут пять сидел молча. Наконец он произнёс, словно беседуя сам с собой:

— Сложно в это поверить... Выходит, что нужно добраться до Антарктиды и вновь обследовать сектор падения метеорита. Да как же это сделать? В мире почти нет людей, знающих о выживании в условиях вечной мерзлоты.

— Вообще, они есть. Должны быть, — сказал Алекс, — на Аляске, на Чукотке. Очень вероятно, что там сохранились потомки местных коренных народностей.

— Да уж... Можно попробовать попросить сенат Джефферсона разрешить «Кондору» сделать туда вылет с посадкой. Но я не уверен, что они разрешат. А ближе лететь неоткуда, — покачал головой Браун.

— Есть один вариант, — сказал Алексей, — на следующей неделе планируется установка новой метеостанции как раз на Чукотке. Это делается в рамках программы глобального мониторинга климата. Специалисты пробудут там пару-тройку часов точно. Я смогу напроситься в полёт... Главное — суметь убедить кого-нибудь из местных пойти с нами.

— Я думаю, что в каждом закрытом обществе есть любопытные люди, желающие выбраться за пределы известного им мира. Да и давно уже в тех краях не было представителей современной цивилизации.

— Ладно, допустим, что у нас получится «завербовать» проводника. Но в Антарктиду «Кондору» точно лететь не разрешат, — продолжил рассуждения Алексей, — хотя из Санта-Маргариты вполне реально добраться туда на квадрокоптере с промежуточной посадкой на Огненной земле.

— Да, но нужен их летательный аппарат, — возразил Браун, — с собой же не притащишь.

Парни увлеченно беседовали, спорили и не заметили, что уже минут десять за их разговором следит кто-то, притаившийся за стволом дерева, в тени которого они расположились.

— В Санта-Маргарите сейчас туговато с коптерами, — вклинился в разговор звонкий женский голос.

Они одновременно повернули голову и увидели перед собой Еву да Силва.

— Не учили, что подслушивать не хорошо! — вспыхнул Браун.

— Спокойнее, док, — произнес Жуков, — мы сами немного виноваты. Заболтались и не смотрели по сторонам.

— Да уж, — улыбнулась Ева, — со стороны выглядело почти как признание в любви друг другу.

— Хватит ёрничать, — скривил лицо Джим, — раз ты всё слышала, то хоть выскажи свое мнение.

— А что его высказывать. В Маргарите вам технику не дадут. После недавнего наводнения вся она задействована на ликвидации его последствий. Если подождете месяца два – возможно всё получите.

— Слишком долго! — грустно проговорил Алексей. — Что же делать?

— Я думаю, что вы найдёте всё, что нужно у нас – в Сан-Себастьяне. Нынешний состав конгресса очень добрый... да и я всем им нравлюсь. Не откажут.

— Из Сан-Себа можно лететь на коптерах вдоль побережья и также через остров, — прикинул Браун.

— Можно, если осторожно, — улыбнулась Ева.

— А чего это ты хочешь нам помочь? — поинтересовался у неё Алексей.

— Да, кстати, — поддакнул Джим.

— Что за дурацкий вопрос? — вспыхнула Ева. — Любой настоящий гражданин должен стремиться сделать мир лучше. Да и шанс есть войти в историю и разгадать загадку «таймера». Только есть у меня одно условие.

— И какое же? — спросил Алексей.

— Я с вами полечу в Антарктиду, — ответила девушка.

Глава 13. Край мира

Гив-ынкээв тащил к своему иглу тяжелый мешок, набитый рыбой. Сегодня ему опять повезло: улов получился отменный. Во всем поселении не было столь удачливого и опытного рыболова...

Люди с большой земли не приезжали сюда уже давно. Его дед ещё рассказывал о чужеземцах, спускавшихся с неба на больших железных машинах, которые назывались вертолёты. Он даже рисовал их внуку на белых листках бумаги цветными палочками – фломастерами. А потом что-то произошло и люди на планете стали умирать из-за того, что принимали некие лекарства со странным названием. Единственным средством получения

новостей с большой земли пару лет оставалось радио, передававшее сигнал из далёкого города Владивостока, а потом в эфире звучали лишь помехи.

Нельзя сказать, чтобы отсутствие чужеземцев сильно сказывалось на образе жизни чукотского поселения. Всё также плескались в море стаи рыб, олени мирно паслись на летних пастбищах, а шаманы жгли костры и били в бубны, стараясь задобрить богов. Правда, это помогало не всегда. Как в тот раз, когда жена Гива простудилась и умерла, несмотря на все ритуальные пляски и благовония. Это случилось уже больше трех лет назад. А ведь раньше были лекарства, которые могли её вылечить. Их привозили люди на вертолётах... Гив не разделял мнения старейшин и шамана о том, что без чужеземцев стало лучше. Особенно, после смерти жены. Если бы у них были антибиотики! Тогда она бы выжила. Но все говорили ему, что он плохо задабривал богов, приносил мало жертв.

Гив прочитал все имевшиеся в поселении книги на русском языке, много знал о жизни общества в прошлом веке и о многих неизвестных его соплеменникам вещах. Ему давно надоело существование в маленьком замкнутом мирке. С каким удовольствием он бы ушёл, но не знал куда... Гив услышал странный звук, поднял глаза к небу и обомлел.

***

С неба спускалась огромная блестящая птица. Она не была похожа на вертолёт, скорее её можно было назвать самолётом. Именно таких Гив не видел на картинках, но тип летательного аппарата однозначно был схожим. Хорошее зрение мужчины позволило ему без труда разглядеть, как объект приземлился и из него на снег вышли несколько человек в ярких одеяниях. Они стали вытаскивать какие-то ящики, доставать непонятные предметы и что-то собирать. Затем от громады «птицы» отделилось красное пятно и стало быстро приближаться, увеличиваясь в размерах, приобретая очертания снегохода. Такой вид транспортных средств был знаком Гиву. Дома хранилось много фотографий деда с бородатыми полярниками, на которых можно было разглядеть различную технику.

Гив-ынкээв вздохнул и стал ждать, когда снегоход подъедет к нему.

Уже через три минуты чукотскому жителю протянул руку молодой улыбчивый парень с сияющими глазами и открытым лицом.

— Добрый день, меня зовут Алексей Жуков! Я из Нового Новгорода. Вы меня понимаете? — в голосе парня прозвучала надежда.

— День и взаправду добрый, — кивнул Гив, — понимаю я вас хорошо. В нашей семье многие поколения любили русский язык и учили его. Правда, в моей жизни вы первый человек, не являющийся мне родственником, с которым я разговариваю не на родном наречии. Моё имя Гив-ынкээв.

— Вот это удача! — обрадовался Жуков. — А вы знаете, что в мире творится последние сто лет?

— Знаю, что мир очень изменился. Но я всегда надеялся, что наша деревня не осталась последним местом проживания людей.

— Я даже поверить не могу, что вот так спокойно стою и разговариваю с жителем Чукотки, — рассмеялся Алексей.

— Считали, что встретите здесь дикарей в шкурах? — улыбнулся Гив. — А зачем вы прибыли?

— Мои товарищи устанавливают метеостанцию. А у меня особенная миссия, гораздо более важная.

— Так может доедем до моего дома на вашем снегокате? — предложил Гив. — Могу предложить отведать свежей жареной рыбки.

— Это заманчиво, — ответил Жуков, — но я могу пробыть здесь не более двух часов. Потом мне нужно вернуться, а то «Кондор» может улететь без меня.

— На вашей машинке мы доедем минут за десять, — кивнул мужчина.

— Хорошо, — согласился Жуков и выставил на наручных часах обратный отсчет времени. При этом его движения Гив успел заметить, что на тыльной стороне ладони парня был крохотный экранчик с цифрами.

— А когда в следующий раз прилетит этот... «Гондор»? — поинтересовался Гив, усаживаясь за спиной Алексея и запихивая мешок с рыбой в отсек для багажа.

— «Кондор», — поправил Жуков, — «Гондором» называлась вымышленная страна в одной старой детской книжке.

Он крутнул ручку акселератора и снегоход рванул вперед.

— Да, вспомнил, — кивнул Гив, — там ещё были эльфы и гоблины... Так когда «Кондор» вновь прилетит?

— Забавно, вы даже фэнтези читали, — удивился Алекс. — А насчет следующего визита я даже не знаю, что вам ответить. Вряд ли очень скоро.

— Нам нужно проехать вдоль берега и завернуть за тот пригорок, — показал Гив, — сразу видна деревня будет.

***

Иглу Гива находился на краю деревни, но всё равно прибытие чужака не осталось без внимания. Дети сразу же облепили снегоход со всех сторон, но Алексей только махнул рукой:

— Всё равно они не смогут ничего сломать.

— Тогда зайдём ко мне, — предложил Гив, — скоро все придут на тебя смотреть.

Алексей пригнулся и вошёл в жилище своего нового знакомого. Среди обычных предметов домашней утвари парень с некоторым удивлением заметил большую заставленную книгами полку и несколько картин на стенах.

— Рисую иногда, — кивнул Гив, ответив на вопросительный взгляд.

— Здорово! — честно сказал Алексей. — Особенно та, где белый медведь сидит на краю льдины и смотрит в небо.

— Спасибо. Так, расскажи мне о том, что случилось в большом мире, — попросил Гив. — А то, все новости, что я знаю, почти столетней «свежести». Хочешь сушеной рыбки?

С недоверием покосившись на предложенное лакомство, Жуков всё же его попробовал. И парень поведал собеседнику вкратце о ТТВ19, оплотах, «ЮФИ», артефактах и Антарктиде. Пару раз Гив удивленно качал головой, но в целом адекватно воспринял информацию.

— Так вам нужен проводник? — скорее утвердительно произнёс Гив.

— Да. Я понимаю, что это очень необычное предложение и опасное дело. И вообще я тебе столько рассказал за час! Сложно представить, что у тебя в голове.

— Я согласен, — коротко и просто ответил северный житель, — мне кажется, что тебя привела ко мне божественная воля. Господь хочет, чтобы я тебе помог.

— Ты христианин? — удивился Алексей.

— Я верю в Христа, — ответил Гив, — я так думаю. А у вас в мире не осталось религии?

— Осталась, — сказал Жуков, — в оплотах нам как-то не до этого, но вольные города полны верующих. Это нормально.

— Бог есть в каждом из нас, — улыбнулся Гив, — я быстро соберусь.

Он ловко сложил свои нехитрые пожитки в большой красный рюкзак и собрал сумку поменьше. Про себя Жуков отметил, что картины мужчина снял со стен и аккуратно свернул в трубочку.

Последней вещью, которую он положил в сумку, была маленькая иконка с изображением Спасителя. Алексей даже не видел, где она стояла.

— Бог всегда с тобой, — немного язвительно сказал Алексей.

— Да, — простодушно ответил Гив и посмотрел в глаза парня добрым открытым взглядом.

Внезапно лицо мужчины помрачнело. Снаружи слышались гневные вопли и шум большого количества людей.

— Но иногда меня посещает и дьявол, — проворчал Гив.

— Что? — не понял Жуков.

— Пойдём. Я готов, — коротко бросил мужчина, и они вышли наружу.

На улице уже собралась многочисленная толпа, возглавляемая страшным дедом, одетым в разношерстные звериные шкуры и шапку из головы моржа. Огромные клыки свешивались вдоль его щёк, делая старика похожим на саблезубого тигра. В руках он сжимал большой бубен.

— Куда собрался, Гив-ынкээв? — злобно спросил шаман.

Гив проигнорировал его вопрос и молча сел в снегоход, от которого Алексей уже отогнал детей.

— Так ты решил покинуть свой народ? — прошипел шаман.

Вновь не получив ответа, он начал бормотать какие-то заклинания и пританцовывать постукивая бубном по ноге.

Гив посмотрел на собравшихся жителей деревни. Их лица давно стали для него чужими. После смерти жены ничто его здесь не удерживало. И вот – представился такой случай.

***

— Ты будешь проклят богами, Гив-ынкээв, если пойдёшь с этим чужеземцем! — завопил шаман. — Они уже предупреждали тебя, забрав твою женщину в мир духов! Ты не усвоил урок!

— Подожди минутку, — попросил Гив Алексея и спрыгнул со снегохода.

Он подошёл к прыгавшему на месте шаману, вырвал из его руки бубен и с наслаждением треснул им по ненавистой сытой роже, добавив хорошего пинка в живот. Мужчина рухнул на снег как подкошенный. Жители деревни почти одновременно вскрикнули от ужаса и остолбенели от такого поступка.

— Гони! — крикнул Гив, быстро запрыгнув в снегоход.

Алексей не заставил себя просить дважды и они помчались обратно, оставляя за спиной не только маленькую деревню, затерянную среди льдов, но и всю прошлую жизнь Гив-ынкээва.

— Ты его зачем ударил? — поинтересовался Алекс.

— Старые счёты, — вздохнул Гив, — и вообще он нехороший человек.

— Жуков! Тебя где носит?! — раздался в аппарате связи голос пилота. — Десятиминутная готовность!

— Успею! — ответил Алексей и прибавил скорости.

Пилот «Кондора» и метеорологи с недоверием отнеслись к прибывшему вместе с Жуковым местному жителю.

— Лёш, а у тебя есть разрешение совета? — прямо спросил глава экспедиции Виктор Альт.

— Витя, я сам с Медведевым всё решу, — как можно более убедительно сказал Алексей, — нам в любом случае будет очень полезен этот человек, в том числе и в дальнейших поездках исследователей на север.

— Не знаю, не знаю... Обратного его не повезут... Он хоть понимает, что делает? И вообще, как у него с языком?

— Не волнуйтесь, — улыбнулся Гив, — язык мой в моём рту. А по-русски я говорить... говорю неплохо.

— Ну хоть так, — пробурчал Альт, — Жуков, ты что-то в последнее время влипаешь в истории.

Через минуту «Кондор» уже мчался по направлению к родному оплоту.

С перевесом в два голоса совет позволил Гив-ынкээву остаться на две недели. Он-лайн голосование проходило очень бурно и только активная позиция Сергея Медведева помогла склонить чашу весов в пользу позиции Жукова. Правда, изначально, Гива отправили в карантин и на полное медицинское обследование. Алексей отвёз нового товарища в больницу, после чего вновь встретился с Медведевым.

— Алекс, из-за тебя я сегодня выслушал много обвинений, в том числе и в авторитаризме, — усмехнулся Сергей.

— Да дело того стоит! — горячо ответил Жуков. — Я не верю, что это простое совпадение: моё знакомство с Фрейтасом, его смерть, записи Годсона... Нас словно ведёт высшая сила. А тут ещё Ева сама предложила помочь.

— Имя хорошее, — сказал Сергей, — да и девушка красивая. Раньше религиозные люди верили, что первая женщина с таким именем убедила попробовать своего мужчину запретный плод...

— Да-да, а их потом выгнали из Рая. Краткий курс религиоведения мы все проходили, — съязвил Алексей.

— Так вот, — посерьёзнул Медведев, — главное, чтобы вас с ней не выгнали в случае неудачи. У нас, конечно, не Рай и за пределами оплота можно неплохо жить, но...

— Ты прямо оптимист! В любом случае, экспедицию должны организовывать в Сан-Себе, так что лично тебе меня выгонять не придется.

— Ладно, это я просто напомнил тебе о серьёзности вопроса, — дружелюбно сказал Сергей.

Они обнялись и простились. Остаток дня Алекс провёл в разговорах через ЕКС с Джимом Брауном, удобно устроившись в укромном уголке парка.

А вечером вернувшегося в свой жилой модуль парня ждал сюрприз. Около его дома на скамейке сидел Чак Ли, с которым они познакомились на общем совете оплотов.

— Здравствуй, Алексей! — поприветствовал он Жукова.

— Вечер добрый, э... Чак, — вспомнил Лёша.

— Ты, наверное, очень удивлён, что я здесь?

— Да, если честно, — коротко ответил Алексей.

— Я и сам не знаю, с чего начать, — замялся Ли, — ты можешь посмеяться надо мной.

— Давай зайдём ко мне и поговорим, — устало вздохнул Жуков, — я не думаю, что ты пролетел столько километров без причины.

Парни зашли в квартиру. Алексей налил два стакана апельсинового сока, сделанного им собственноручно из плодов росшего у входа дерева. Ли благодарно кивнул и взял протянутый стакан.

— Неподалёку от нашего оплота есть маленькое поселение монахов-буддистов, — начал Чак. — Среди них живёт мой учитель боевых искусств. Его зовут Дан Лао.

— Я слышал, что ты классно дерёшься, в соревнованиях побеждал, — сказал Алексей.

— Он хорошо меня учит... Но помимо боевых навыков учитель обладает даром предвидения. Сейчас как-то презрительно относятся ко всему такому, но я полностью ему доверяю.

— И что он видел? — насторожился Жуков.

— Тебя, идущего в метель, а я шёл рядом, — быстро ответил Чак.

— А ты что-нибудь слышал про...
— Твою задумку отправиться в Антарктиду? Я узнал про это когда прибыл сюда. Это только укрепило мою веру в дар учителя.
— Может он что-то уже знал?
— Не думаю, он бывает только в монастыре и деревне, — покачал головой Ли.
— Я даже не знаю, — протянул Алексей.
— А ещё учитель видел в своих грёзах, что ты несёшь большой светящийся шар в руках, — тихо проговорил Чак Ли.
Жуков вздрогнул. В комнате воцарилось молчание. Кроме Брауна про шар не знала даже Ева, а Джимми не мог проговориться.
— Ты можешь пойти с нами, — сказал Жуков и протянул Ли свою ладонь.

Глава 14. пляж

Сан-Себастьян встретил участников антарктической экспедиции яркими ночными огнями разных цветов, свежестью легкого морского бриза и зажигательной музыкой, в которой явно прослеживались старинные латиноамериканские мотивы. Их было слышно даже на посадочной площадке, куда приземлился «Кондор». Пассажиры быстро разошлись. Пилот тоже вылез из кабины, попрощался с ребятами и быстрыми шагами направился к зданию аэровокзала.

— Да тут праздник какой-то! — радостно сказал Хуан Фанхио. — А Ева нас не предупреждала. Да, Смит расстроится, что пропускает карнавал. Знал бы он, куда меня посылает вместо себя.

— Так вдвойне приятнее, — улыбнулся Чак Ли, — лично я уже давно ничего не праздновал. Всё рис, да тренировки.

— Мы вообще-то по делу прилетели, — скривился Джим Браун.

— Джимми, ты хоть можешь расслабиться немного? — засмеялся Алексей. — Мы ещё даже никуда не пошли, а ты уже занудством занимаешься!

— Я – не зануда! Это вы забываете, что на нас возложена очень ответственная миссия. Возможно, что именно от нас зависит судьба всего человечества!

— Опять!? — вздохнул Чак. — Я тебя побью когда-нибудь!

— Конечно, ученого легче обидеть, чем опровергнуть его слова! — нахохлился Браун.

Ребята стали шутливо переругиваться. Тем временем Гив обошел пару кругов вокруг «Кондора», осматривая окрестности. Вдалеке, на фоне тёмного неба, выделялась мачта связи, поблескивая расположенными на ней огоньками. Из-за этого она казалась похожей на крест. Гив улыбнулся. Для жителя Чукотки, даже такого любознательного, было очень сложно за неделю дважды сменить место пребывания, тем более, что отличия новой жизни от прежней были настолько разительными. Гибель большей части человечества, таймеры, новый мир, метеорит, экспедиция – всё это навалилось на мужчину огромным грузом. Он ощущал себя буквально плывущим в море информации.

— Нам тут ждать надо? — вклинился он в разговор.

— Да, — кивнул Алексей, — да Силва сказала стоять у «птички».

Только он успел договорить, как все услышали стук каблучков по покрытию взлетно-посадочной площадки. В синеватом свете фонарей к ним шла девушка. При её виде парни и даже Гив невольно умолкли и буквально впились глазами в приближающуюся фигуру. Алексей и Джим сначала не узнали её. Это была не та язвительная симпотяжка, с которой они общались в Новгороде в период совета. Перед ними стояла жгучая красотка в соблазнительном платье с ярким принтом. От порывов лёгкого ветерка длинные волосы немного развевались, но причёску это ничуть не испортило.

— С прибытием, искатели приключений! — весело приветствовала она ребят.
— Привет, — из всех парней только Фанхио не потерял дар речи.
— А у нас сегодня день города! — радостно сказала девушка. — Будем отмечать до утра.

— Но как же дела? — поинтересовался Джим Браун.

— Всё потом, тем более что самые важные вопросы я решила, — улыбнулась Ева. — Одеты вы не очень, так что нужно зайти в автоматический центр изготовления одежды.

— Клоунада..., — пробормотал Браун, но осёкся, увидев предостерегающие взгляды товарищей.

Весёлой гурьбой они прошли к парковке, где стоял небольшой микроавтобус, раскрашенный по случаю торжества во все цвета радуги. Оказалось, что Ева приехала не одна, а с двумя подругами, которые ненамного уступали ей в привлекательности.

***

Пляж превратился в огромный танцпол. Музыка заполнила всё окружающее пространство. Казалось, что все краски мира слились вместе, как в большом калейдоскопе. В Сан-Себастьяне умели веселиться. Даже Гив немного поплясал вместе с молодёжью, но ровно в час ночи остановился и сказал, что пойдет спать, пробурчав напоследок своим товарищам, чтобы те не задерживались. Куда там! Вечно серьёзный Браун кружился в танце сразу с двумя девушками, Чак Ли вытворял умопомрачительные сольные пируэты, а Фанхио воодушевленно дискутировал со своим местным коллегой – таким же страстным любителем техники. К своему собственному удивлению, только Алексей Жуков скромно стоял у одной из опор освещения и просто смотрел... Впрочем, смотрел он в правильном направлении – на Еву. А она смотрела ему в глаза и танцевала как будто тоже лишь для него.

Алексей вспомнил, как впервые увидел её в Новом Новгороде. Уже тогда в душе парня что-то кольнуло, а последующее общение он-лайн сделало это покалывание ещё острее.

А сегодня после прилёта они неожиданно друг для друга взяли за руки, когда смотрели на ночной город с обзорной площадки, и почти поцеловались, но их отвлек вопль Брауна, которому прямо на голову свалилась летучая мышь. Джим в ужасе рухнул на землю и отбил плечо, но зато сумел прогнать назойливое животное, за что удостоился объятий и нескольких чмоков от Софии и Дженнифер – подруг Евы.

Улыбнувшись, Алексей направился к Еве, но неожиданно увидел высокого длинноволосого парня, который схватил её и потащил в сторону от толпы. Жуков зло сжал кулаки и пошёл за ними. Это заметил Чак Ли, который позвал Фанхио и Брауна. Нельзя же бросать товарища одного.

***

— Ева! Зачем ты притащила сюда этих недоумков?

— Витор, ты перебрал вина... Иди, проспись! — девушка отчаянно попыталась вырваться из его объятий

— Пойдем лучше с нами! И девчонки твои пусть тоже присоединяются.

— Я прошу тебя уйти! Алкоголь вреден и делает людей идиотами! А тебя в особенности.

— Сегодня же праздник, малышка, я имею право расслабиться.

— Отпусти меня! Мы уже столько раз всё это проходили!

— А может попробуем ещё разок? — посмотрел ей в глаза Витор и рассмеялся дурацким хохотом.

Его приятели, смотревшие за ссорившейся парочкой со стороны, тоже захохотали.

— Я бы советовал тебе отпустить девушку, — произнёс Алексей и подошёл вплотную к Витору.

— Лёш, ты не лезь лучше. Я сама разберусь, — сказала Ева.

— А я считаю, что моё вмешательство необходимо, — покачал головой парень и резко отшвырнул Витора от Евы.

— Ты что, такой крутой?! — взвизгнул тот и приготовился броситься на Жукова. Его товарищи уже тоже подошли.

Чак Ли встал рядом с Алексеем.

— Ева, ты лучше отойди в сторонку, — попросил Браун, — вон, с девчонками постой.

Против Жукова с тремя товарищами было шестеро местных парней, считая Витора.

***

— Двоих я быстро уложу, — прошептал Чак Ли, обращаясь к Алексею, — вы немножко продержитесь и я помогу.

Витор взревел и кинулся прямо на Жукова. Лёха не успел уклониться, но заблокировал удар и по-борцовски сцепился с противником. Они свалились на песок и пытались залезть друг на друга сверху. Ли вырубил первого атакующего точным ударом ноги в солнечное сплетение, но второй ловко увернулся от подсечки и сам треснул азиата по ребрам. Фанхио обменялся ударами с высоким чернокожим парнем. Оба остались на ногах и теперь выжидали. Браун оказался один против двоих врагов, существенно крепче и здоровее него. Джим сразу припустил бегом по береговой полосе, спасаясь от преследования. Тем временем Чак всё жё поймал на финте своего обидчика и отправил его в нокаут двумя резкими ударами в живот и голову.

Браун уже описал дугу по пляжу и мчался обратно. Его постепенно догоняли. Вдруг, Джим споткнулся и шлёпнулся на землю. Тут же его настигли, и он получил несколько ощутимых пинков. Тем не менее, он сумел набрать песка в ладони и обкидать им своих противников. Двое парней на некоторое время потеряли зрение и стали лёгкой добычей для подоспевшего Чака Ли. Жуков и Фанхио ещё дрались со своими оппонентами, когда завывла сирена и на пляж влетел автомобиль службы правопорядка.

— А ну, прекратить это безобразие! — заорал командир оперативной группы.

Мощные прожекторы машины залили прибрежную полосу невероятно ярким светом. Дерущиеся были вынуждены остановиться и закрыть свои лица.

— Да хватит уже! — крикнул Чак Ли. — Достаточно!

— Когда ты успела вызвать их? — кивнула на сверкающий мигалками авто Дженнифер, обращаясь к Еве.

— Я их не вызывала, — улыбнулась та, — мне приятно смотреть, как парни из-за нас дерутся.

— Ну ты и стерва! — засмеялась София. — Моего Джимми отпинали, а она довольна!

— С каких это пор он – «твой Джимми»? — ехидно спросила Ева.

— А с каких мне захочется, — ответила девушка и поспешила к лежавшему на песке Брауну. Она помогла ему подняться и заботливо принялась отряхивать.

— Я позвал их, — раздался тихий спокойный голос.

Девушки обернулись и увидели Гив-ынкээва.

— О, господин с Чукотки, фактически с другого конца света, — улыбнулась Дженнифер, — что же вы не принимали участия в драке?

— Глупо драться без причины, — улыбнулся Гив, — но, в любом случае – драка для молодых.

— А вы значит старый? — рассмеялась Ева.

— По мне так очень даже ничего, — улыбнулась Дженни, — и выглядите хорошо.

— Вас всех я старше почти в два раза, — вздохнул Гив, — вы мне в дети годитесь.

— Хм! — задумалась Ева. — Наверное, надо звать вас «папашей»?

— Забавно, — улыбнулся мужчина. — Люблю девушек с чувством юмора. Я пойду ещё поплаваю. Северный Ледовитый океан мало походит для купания, а здесь – просто рай.

Дженнифер и Ева переглянулись и фыркнули от смеха.

Гив ещё долго плывал, наслаждаясь возможностью окунуться в тёплую воду и покачаться на мирно плескавшихся волнах.

***

— Мир? — спросил Алексей, протягивая руку Витору.

— Мир, — ответил тот и крепко её пожал. — Ты извини, у меня просто последняя неделя пошла... А Еве ты нравишься, поверь мне... Я слишком хорошо её знаю... знал, но того уже не вернёшь.

На «таймере» парня горели три нолика и маленькая цифра шесть.

Он развернулся, запрыгнул на парящую доску и в сопровождении троих товарищей полетел в сторону города. Другие его друзья оказались вполне приятными ребятами. Они побратались со своими недавними противниками, присоединились к их компании и уже спустя пятнадцать минут все вместе сидели около голографического, но горячего костра. У одного даже оказалась небольшая гитара, так что вскоре весёлые напевы зазвучали в ночной тишине.

Ева и Алексей немного посидели со всеми, а потом пошли прогуляться вдоль береговой линии. Они шли по мокрому песку, оставляя на нём следы своих босых ног. Теплая вода океана время от времени обволакивала ступни и отступала обратно, так что следы быстро смывались и песок вновь становился ровным, точно никто по нему и не ходил. В чистом небе сиял серпик луны в окружении далёких звёзд, лишь у горизонта виднелись маленькие облачка.

— Есть такая старая испанская песня, — начал Алексей, — в ней парень поёт о том, что будет ждать девушку. Встретившись, они сядут вместе на берегу моря, взявшись за руки, в их взглядах засветится любовь... А пока он будет её ждать, пусть даже всю жизнь. Я бы спел, но певец из меня отвратительный.

— Что-то очень долго нужно ждать, — прошептала Ева, — нельзя ли побыстрее?

Алексей рывком притянул к себе девушку и буквально впился в её губы своими. Ночь ещё не закончилась.

Глава 15. Сквозь белое безмолвие

Это должна была стать первая Антарктическая экспедиция почти за сто лет. При этом опыт такого рода походов у всех её участников отсутствовал. Самым паршивым являлось то, что так и не смогли точно установить место падения метеорита. Каким-то непостижимым образом пропали архивные записи, содержащие нужные координаты. К

счастью, примерный район поисков, площадью около сотни квадратных километров удалось определить по дневникам Гордона Брауна.

Гив-ынкээв, Чак Ли, Алексей Жуков, Джим Браун, Ева да Силва и Хуан Фанхио должны были первыми за целый век вновь ступить на землю самого таинственного континента планеты. Фанхио занял место Смита, чтобы отвлечься от мыслей о Саре, которую он не мог позволить себе любить. Джон не возражал, тем более, что экспедиции человек с хорошими техническими навыками был явно нужнее.

Гив-ынкээв снисходительно смотрел на всю эту молодёжь, которую собрали в команду. Они снег-то видели только на специально оборудованных лыжных трассах или во время туристических поездок. Сам Гив чувствовал себя неуютно ещё из-за того, что ему тоже предстояло совершить самое далекое путешествие в своей жизни. Подумать только! Перенестись с родной Чукотки на другой конец света! Практически на Южный полюс!

Квадрокоптер быстро рассекал воздух. От Санта-Мargarиты до побережья Антарктиды было пять часов полета. Дальше предстояло двигаться на двух вездеходах почти столько же.

Браун сидел у окна и с грустью смотрел на проносящиеся внизу волны океана. Их экспедиция была столь малочисленна и толком не подготовлена, так как не встретила понимания у общества. Конгресс Сан-Себастьяна ещё как-то признал его доводы убедительными и выделил минимально необходимое оборудование. А если бы в Джефферсоне знали о том, что он подменил источники ТТВ19, и забрал их с собой, то, скорее всего, изгнали его из оплота или заперли в одиночной камере до конца жизни.

А ведь был ещё проект «Возрождение» Кита Вилмута. Пока он не получил достаточной поддержки, но не было никаких гарантий того, что следующее поколение не захочет его всё же осуществить. А Джим уже рисовал в своем воображении будущие картины того, к чему может это привести. Впервые за тысячелетия большая часть человечества не находилась в противостоянии друг другу. А «Возрождение» предполагало, по сути, выведение расы новых «чистых» людей, время жизни которых не было точно ограничено с момента рождения. И этот проект таил в себе очевидную угрозу раскола общества.

Посадка и разгрузка прошла без особенных трудностей. Летательный аппарат поднялся в воздух, прощально качнул винтами и оставил шестерых людей на двух маленьких машинках среди вечной мерзлоты и бескрайних снежных просторов.

Запланированные пять часов пути незаметно превратились почти в семь, так как Гив обнаружил здоровенную трещину на первоначально проложенном пути. Её пришлось объезжать вокруг, да и то через своеобразную впадину, из которой нужно было выбираться по наименее отвесному склону. Особенно тяжело двигался вездеход с прицепом, в котором находилось оборудование для бурения, но Хуан проявил отличные водительские качества и при помощи эмоциональных испанских ругательств провел свою машину максимально аккуратно.

Наконец, они прибыли в предполагаемое место падения метеорита.

***

Буровая роботизированная установка упорно вгрызалась в лёд. Фанхио следил за оборотами и температурой, в зависимости от показаний датчиков увеличивал или уменьшал скорость вращения лазерных резаков. Все эти манипуляции он проделывал дистанционно, сидя за монитором в вездеходе.

— Ну, Джимми, это уже пятая дырка, которую мы сверлим, — проговорил он. — Может хоть в этот раз ты не ошибся в расчетах.

— Я всё делаю по схеме, — ответил Браун, — я же не знаю точной массы этого «ядра», поэтому вынужден гадать, на сколько метров оно улетело в сторону. Но рано или поздно мы его найдём.

Прошло ещё двадцать минут, в течение которых все сосредоточенно смотрели на экраны внешней камеры бура. Но кроме темноты и ледяных крошек видно ничего не было.

— Стоп! — вдруг сам себе скомандовал Фанхио.

— Что там? Застряли? — поинтересовался Жуков.

— Нет, Алекс, просто впереди полость... пустая вроде, — пробормотал Хуан.
— Включу-ка я прожектор...

Яркий свет заполнил небольшую пещеру.

— Идеально ровные стенки, — сказала Ева, — и приборы показывают, что полость имеет форму шара.

— Я, кажется, понимаю, — кивнул Алексей, — смотрите, — он ткнул пальцем в монитор, — точно в центре...зависло нечто шарообразное.

— Это должно быть «ядро» космического корабля, — прошептал Браун, — оно стало таким маленьким за эти годы, и продолжает уменьшаться.

— Ты с чего это взял? — удивился Фанхио.

— Оно разговаривает со мной, — дрожащим голосом ответил Джим, — говорит, что нужно его вытащить наверх.

— Наш доктор спятил! — резко сказала Ева. — Ему уже голоса мерещатся!

— Я тоже ничего не слышу, — вставил Чак Ли.

— Джим, ты в порядке? — спросил Алекс и тряхнул учёного за плечо.

— Да оно правда говорит! — раздраженно произнес Браун. — Посылает мне в мозг образы. Вспомни, Алексей, мы же читали нечто подобное в мемуарах Годсона.

— Было такое... — вздохнул Жуков. — Ты сам спустишься в туннель?

— Спущусь. Вы меня спустите на тросе, а потом поднимете. Это недолго.

— Времени не больше двух часов, — произнес молчавший до этого Гив-ыннкэв, — буря идёт.

— Что-то данных нет об этом со спутника, — хмыкнула Ева.

— Будут, но спутник плохо погоду видит. Гив лучше знает, — улыбнулся мужчина.

— Тем более надо торопиться, — сказал Браун и принялся натягивать на себя комбинезон с подогревом.

Жуков немного помедлил, но последовал примеру доктора.

***

Спуск по тоннелю прошёл без особых трудностей. Собственно говоря, трос, за который держались двое первопроходцев, сам автоматически спускался вниз. Хотя время всё равно тянулось невыносимо долго, и Браун уже занервничал, когда наконец они достигли дна.

Ребята отстегнули карабины и осторожно подошли к шару, зависшему по центру этой своеобразной пещеры.

— Ну как, Джимми, — спросил шёпотом Алексей, — голоса всё ещё слышишь?

— Нет, — тряхнул головой Браун, — не слышу. Но я вижу картинку, как будто я его беру и кладу в рюкзак.

— Странно, я ничего такого не ощущаю.

— Может быть оно чувствует, что я — потомок Гордона Брауна, — пожал плечами Джим. — Как-никак он был одним из первых, кто присутствовал здесь больше века назад.

— В этом объяснении есть логика, — сказал Жуков, — но всё это очень странно. В любом случае, его нужно как-то взять. Я не рискну.

— А вот здесь не должно быть проблем. Вспомни. Оказалось, что остальные тринадцать предметов можно брать даже голыми руками, не боясь каких-либо последствий.

И прежде чем Алексей успел возразить, Джим Браун решительно подошёл к шару, взял его двумя руками и быстро спрятал в рюкзак. Ничего не произошло.

— Лихо ты, — только и смог произнести его напарник.

— Алекс, я просто сделал так, как увидел в своих мыслях.

— Тяжёлый шарик?

— Нет, похож на большую ёлочную игрушку, — улыбнулся Браун.

Тут динамик в ухе у него ожил и раздался нервный голос Фанхио:

— Чего так долго? Теперь уже и со спутника пришли данные, что будет буря.

— Все в норме, Хуан, мы поднимаемся, — ответил Жуков и начал пристёгивать себя к тросу.

***

Все стояли около тоннеля и с интересом смотрели на вытащенный Брауном на поверхность шар, цвет которого однозначно определить было невозможно. Эффект левитации непонятным образом исчез и теперь сфера падала на снег, если её выпускали из рук.

Гив с беспокойством поглядывал на юг, мысленно проклиная неумолимо приближавшиеся тёмные облака. Он уже ощущал небольшое, но столь значимое усиление ветра.

— Нужно двигаться, — сказал он тихо, но настойчиво.

— Да подожди ты, — отмахнулся Браун, — у нас ещё есть около получаса?

Гив недовольно покрутил носом, но кивнул.

— Отлично. Чак, принеси, пожалуйста, кейсы с кубиками, — обратился доктор к товарищу. И ещё нам нужно что-то типа стола.

Когда всё было готово, Браун аккуратно установил шар на поверхности, вытащил из кейса чёрный кубик и положил рядом. Почти сразу оба предмета засветились, причём от блеска шара хотелось зажмуриться. И через несколько секунд на месте кубика лежала горка золы.

— Вот те раз! — ошарашенно проговорил Фанхио. — И что бы это значило.

— Нужно попробовать ещё, — спокойно сказал Джим и достал новый предмет.

Медленно и осторожно он подносил каждый следующий кубик к «ядру». Реакция была точно такая же: кубик слабо светился, трескался и рассыпался в пыль. Вскоре на столе лежали тринадцать одинаковых кучек, словно маленькие потухшие костры.

— Чёрт! — зло сказал Чак Ли. — Это было бесполезно!

— Нет-нет, — быстро возразил Браун, — это лишний раз доказывает, что объекты исчерпали свою энергию. Вот почему они не вступали в новые реакции. Нужно сделать ещё один тест...

— Ладно, — оборвал спор Алексей, — давайте соберем «пепел» в контейнеры хотя бы. И «ядро» нужно тоже отнести в вездеход. Засуньте его в термoryкзак, а то нагрелось сильно. У нас мало времени.

— Буря будет дышать нам в спину, — напомнил всем Гив, — и скоро нагонит.

Ребята быстро запрыгнули в машины. Головной управлял Фанхио. С ним ехали Жуков, да Силва и Браун. Ли вёл второй вездеход, ориентируясь на прицеп ведущего. Началась метель, из-за которой видимость существенно ухудшилась. Но это не было критичным, поскольку Хуан следовал уже проложенным маршрутом.

Пока Ева и Алексей дремали, взявшись за руки, в откинутых назад креслах, Браун не мог сидеть на месте. Любопытство буквально сжигало его изнутри. По карте им ещё достаточно долго предстояло ехать по равнине, а система амортизаторов гасила тряску почти полностью. Доктор Браун воровато огляделся по сторонам и полез в ящик с оборудованием, стараясь не шуметь.

***

Дрожащими руками Джим добавлял в сосуд с водой соль. Он трижды проверил её концентрацию разными приборами, и все три раза индикаторы показали 6,66%. Вездеход слегка трянуло, доктор придержал аквариум рукой и оглянулся. Ева чуть пошевелилась во сне, но не проснулась. Выдохнув с облегчением, Браун вытащил «ядро» из терморюкзак и опустил в воду. В первую секунду никакой реакции не последовало, но затем жидкость моментально вскипела, окрасилась в чёрный цвет, и раздался взрыв. Джим отлетел в сторону, ударился головой и потерял сознание.

Когда Браун очнулся, то увидел, что лежит в автономном модуле. Стенки и потолок укрытия слегка колыхались от бушевавшей снаружи бури. На его шею была надета фиксирующая гофра, так что он не мог повернуть её в сторону. С ужасом молодой человек заметил, что кисть левой руки у него отсутствует, но боли не чувствовалось.

— Лежи, идиот! — раздался раздраженный, но не слишком злой голос Чака Ли.

— Что произошло?! Все целы? — прохрипел Джим.

— У Евы два перелома и несколько рваных ран, но её жизни ничего не угрожает. Радуйся, а то бы Алекс тебе голову оторвал. Они в вездеходе

— А ещё что?

— Фанхио разбил лицо и сломал нос об руль. Но он на тебя больше зол за то, что ты вездеход угробил. Теперь все поедем на одном.

— Почему сейчас не двигаемся? Нам же ещё часа четыре пути всего осталось. Вроде все транспортабельны.

— Гив не разрешил. Говорит, что эпицентр бури близко. Через полчаса тут такое начнется, что ничего видно не будет. Слишком велик риск провалиться в трещину во льду.

— «Ядро» где? — после некоторого молчания спросил Джим Браун.

— Алекс его нашел и забрал. Мы с ним долго искали... Я даже вытащил Лёшу из трещины практически, когда он соскользнул вниз. Он сказал, что близко тебя к артефакту не подпустит до прибытия в Джефферсон. Не переживай, оно целёхонько, однорукый... гений. Ладно, я пойду помогать ребятам.

Браун выглянул в иллюминатор.

Чак Ли вместе с Гивом устанавливали большие раздвижные щиты, чтобы защитить вездеход и модуль от ветра и засыпания снегом. Пластины изгибались под напором обезумевшей стихии, но держались, перераспределяя нагрузку за счет своей деформации.

— Нужно ещё четыре фала! — проорал Гив.

— Сейчас принесу! — ответил Чак и быстро прибил кольцо ко льду двумя точными выстрелами из крепёжного пистолета.

— Выставь глубину крепления на три метра! — крикнул Гив.

Он подумал о том, что было бы превосходно иметь такое оборудование дома. Да, технологии – хорошая штука.

Если бы не щиты, ветер уже сбил бы их с ног.

— Что там творится? — спросила Ева у Алексея. Она лежала в вездеходе на удобной откидной кровати. В салоне было достаточно светло, благодаря зеленоватым лампам, работавшим в режиме экономии. Боль в животе не сильно тревожила девушку, её раны хорошо обработали и наложили повязку на сломанные ребра.

— Фанхио крепит машину ко льду, — ответил парень, — Гив и Чак ставят заслон, но их я не вижу. Ты как?

— Анестезия хорошая, — Ева попробовала улыбнуться, — и зачем Браун начал ставить опыты здесь... Не мог дождаться прибытия домой!

— Иногда мне кажется, что наш доктор – идиот, — кивнул Алексей, — его счастье, что он сейчас в модуле.

Вездеход слегка качнуло очередным порывом ветра. Дверь отъехала в сторону и в образовавшийся проём ввалился Хуан.

— Я думал, что улечу! — выдохнул он. — Надеюсь, что стены выдержат.

— Гив рассказывал, что можно ещё выкопать яму и скрыться в ней, но это поможет лишь от ветра, а снега может наместить столько, что будет сложно выбраться, — сказал Жуков.

— Теперь мы можем лишь ждать, Алекс. Давайте выпьем какао и выспимся, — предложил Фанхио, — на всё воля стихии.

В это же время в автономном модуле Гив рассказывал Брауну и Ли весёлые истории, случавшиеся с ним на рыбалке. Он сам смеялся вместе с ними, но в глубине души очень волновался. Такой страшной бури он ещё не видел. По его подсчётам, снежное безумие могло продлиться часов пять, не меньше.

К счастью, опасения были напрасны. Когда небо посветлело и стало возможным выбраться на улицу, Гив увидел, что сорвало лишь две крайние секции ограждения. Образовавшийся проём был засыпан снегом, но вездеход достаточно легко преодолел это препятствие.

Гив-ынкээв перекрестился, поблагодарил Бога и пошёл собирать оборудование.

Оставшееся расстояние путники преодолели даже быстрее, чем планировали. Фанхио выжимал из двигателя транспорта всё что мог, но в душе тихо ругался на его медлительность и с теплотой вспоминал о своём внедорожнике «Ача».

А на точке сбора всех ждал неприятный сюрприз.

***

В назначенном месте никого не было. Только одиноко развевался оставленный как ориентир флаг Сан-Себастьяна на высоком стальном флагштоке.

Алексей вышел из вездехода и пару раз нервно обошел вокруг, как будто это могло помочь что-то увидеть.

— А мы правильные координаты оставили нашим? — поинтересовался Ева, скорчив гримасу от боли из-за сломанного ребра.

— Да, — кивнул Фанхио, — кроме того, они должны получать сигнал через спутник.

— Надеюсь, что с ними всё в порядке, полёт-то достаточно неблизкий, — обеспокоенно произнёс Ли.

— Так, надо что-то предпринимать, — пробормотал Браун. — Даже если учитывать, что мы опоздали на сутки от изначального времени прибытия, они должны были оставить нам послание или попытаться связаться.

— После бури я направил односторонний сигнал по дальней связи с сообщением о том, что мы двигаемся к условленному месту, — сказал Фанхио. — Подтверждение о приёме сигнала было получено, — он ткнул пальцем в один из мониторов.

— Давай продублируем, — предложил Жуков, — но ведь они тоже могли сообщить нам о проблемах.

Вдруг знакомый гул винтов возникшего из ниоткуда квадрокоптера прервал эти рассуждения.

— Вот заразы! — улыбнулся Чак Ли. — Применили маскировку и бесшумный режим.

— Что, испугались!?! — в эфире раздался бодрый голос пилота. — Минут пять за вами наблюдаю уже! Где второй вездеход? Угнали?

— Хартли, ты кретин, — выругался Жуков, — видишь же, что у нас проблемы, а всё равно издеваешься. Сажай «птичку»!

Летательный аппарат плавно приземлился на снежный покров, но его опоры всё же слегка утонули в сугробах.

— Намело здесь, — пробормотал пилот напарнику, открыв грузовой люк.

— Ничего, главное, что нет никаких трещин. По крайней мере ультразвуковое сканирование их не выявило, — ответил его товарищ.

— Пока они загружаются, проверь все системы, — попросил Хартли.

— Хорошо, а то мне правый задний винт что-то не нравится...

Фанхио лихо загнал вездеход в брюхо квадрокоптера задним ходом. Джим и Ева молча сидели в салоне. Чак Ли помогал защелкнуть удерживающие зажимы. Алексей сразу зашел кабину и высказал пилотам всё, что думал, об их глупой шутке. Впрочем, парень был рад окончанию пребывания на белом континенте, поэтому переругивания не дошли до серьёзной ссоры.

Гив-ынкээв направился в квадрокоптер последним, на прощание окинув взглядом бескрайние снежные просторы, чуть было не погубившие их маленькую экспедицию. С неба лениво падали крохотные снежинки, кружась в своём замысловатом танце. Гив незаметно для всех открыл рот и поймал языком одну из них. Всё же дома снег был вкуснее. Люк плавно закрылся, загудели лопасти и стальная птица взмыла ввысь.

***

Система стабилизации работала идеально, но воздушные потоки – отголоски минувшей бури время от времени встряхивали летательный аппарат.

— Нам нужно успеть в Сан-Себ до полудня! — прокричала пилоту Ева. — «Кондор» в Джефферсон вылетает в четверть первого. Впритык всё! Кто же знал, что почти сутки мы потеряем.

— Ладно, я ускорюсь! — крикнул тот в ответ. — Но один винт барахлит, а если он откажет, то в аварийном режиме мы только часа в три прилетим!

— Успеем, — спокойно сказал Джим Браун, поморщившись от боли в руке. — Билеты я забронировал ещё до экспедиции, так что с этим проблем не будет. Да и не летают они битком никогда.

— Ты лучше думай, что скажешь в оправдание потери вездехода, — фыркнул Алексей, — тут явно твоя вина. Глупо уничтожил общественную собственность.

— Хм, — на минуту задумался Джим, — я надеюсь, что это было не зря. У меня родилась одна мысль. Правда, если мои соображения окажутся ошибочными, то не думаю, что мне в дальнейшем разрешат заниматься наукой в оплоте. Ничего, займусь самостоятельными исследованиями за его пределами, или вообще отдохну на какой-нибудь работе, не связанной с интеллектуальным трудом.

— И что за мысль ты родил? — язвительно произнесла Ева. — Главное, чтобы не получилось как в той древней притче о горе и мыши.

— Посмотрим, — коротко ответил Браун и замолчал до самого конца полёта.

Глава 16. Конец не близок

Джим Браун решительно шёл по коридору в сторону палаты Марсея. Он хромал, его голова была перевязана бинтами, а на шее всё ещё находилась эта дурацкая

фиксирующая гофра. В такт шагов парень размахивал обрубком своей левой руки. На прохождение двухдневной процедуры протезирования и восстановления не было времени.

— Жуков, вы уже на месте? — тихо поинтересовался парень в коммуникатор.

— Да, сидим тут в кладовке с роботами-пылесосами, — послышался ответ.

— Здесь, однако, тесновато, — добавил, по всей видимости, Гив, что вызвало смешки.

— Тише там! Ничего, я быстро, — улыбнулся Браун и открыл своей идентификационной картой особый блок.

Свет в исследовательском центре уже перевели в режим экономии, поскольку рабочий день завершился, и в здании остались только дежурные. Джим поздоровался с обоими, пояснил, что ему нужно провести несколько тестов и пару минут рассказывал выдуманную забавную историю о потере руки.

Ребята расхохотались и вновь сосредоточились на шахматном поединке.

Миновав два поворота, Джим подошёл к знакомой двери.

***

Марселя лихорадило, он бредил. В полумраке старик ворочался на своей койке и время от времени стонал. Простынь и подушка были насквозь мокрыми от его пота.

Браун открыл дверь и включил полное освещение. Веки Марселя дрогнули, он с трудом повернул голову и посмотрел на вошедшего доктора невидящим взглядом.

— Здравствуйте, мистер Англома! — поприветствовал старика Джим.

Тот никак не отреагировал.

— Я принёс нечто, что может вас заинтересовать, — произнес Джим и вытащил из сумки «ядро».

Глаза Марселя моментально расширились, он вскочил с кровати и ринулся к доктору. Браун не успел ничего понять, как оказался на полу. Нечеловеческая сила отшвырнула его в сторону и вырвала артефакт из его рук. И вот уже чернокожий седой дед в больничной робе мчался по длинному белому коридору, сбивая всё на своём пути. Он крепко прижимал к груди отобранное у Брауна «ядро», которое переливалось разными цветами.

Джим оттолкнулся от пола здоровой рукой и поднялся на ноги.

— Алекс, этот ненормальный забрал его и убежал! — прокричал он в коммуникатор.

— И куда он убежал? — встревожено поинтересовался Жуков.

— А чёрт его знает! В сторону лаборатории!

Пронзительно завывала сирена.

«Внимание! Несанкционированное проникновение в большой купол лаборатории!»

— Бегите туда! Я тоже! — орал Браун, обращаясь к своим товарищам через коммуникатор.

Они уже выскочили из подсобки и бежали по коридору изо всех сил. Из другого крыла здания спешили двое дежурных. И на пороге они все почти столкнулись лбами. Но времени выяснять, кто и что здесь делает не было, поскольку их глазам открылось удивительное зрелище.

Посреди просторного помещения, на высоте пары метров от пола зависло тело Марселя. Оно светилось всё ярче и ярче. Казалось, что маленькие сверкающие частички выскакивают из него и собираются в единое целое, перетекая в зажатое руками мужчины «ядро». Внезапно тело безжизненно упало на пол и буквально рассыпалось в прах.

«Ядро» вспыхнуло и преобразилось в непонятное создание. Существо зависло посреди лаборатории, переливаясь лучами света. Его форма постоянно менялась, прежде чем приняла очертания некоего подобия человеческой фигуры.

— Наконец-то, — раздался его голос, напоминавший журчание ручья.

Ребята стояли в оцепенении, не решаясь произнести ни слова.

— Некоторое время назад я со своими последователями решил вернуться сюда. Но во Вселенной действуют разные силы... Наш корабль был уничтожен и сгорел дотла. Уцелело только ядро. Чтобы не исчезнуть, мы сжались до минимума и упали на поверхность планеты. Через пару десятков ваших земных лет нас нашли, а ядро так и не было найдено. Но человечество умеет извлекать пользу из всего, даже из того, чего оно само толком не понимает.

Брауну показалось, что инопланетянин усмехается.

— И мы, то есть наши предки использовали ваши... тела для... производства ТТВ19, — пролепетал доктор.

— Глупое название, даже по человеческим меркам, — произнесло существо.

— Какое есть, — только и смог сказать Браун.

— Вы долгие годы пили кровь моих братьев, мучили их и вытягивали из них каплю за каплей. Вот они и умерли, — в голосе послышались металлические нотки.

— А вы как уцелели? — дрожащим голосом спросил Алексей.

— Я понял, что оставаясь внутри оболочки, рано или поздно исчезну, — в голосе существа послышалась печаль, — тогда я сумел сконцентрировать всё свое оставшееся естество и перенести его в одну из миллионов таблеток. Так получилось, что именно её принял этот несчастный, — сверкнул пришелец слабой вспышкой в сторону останков Марселя.

— Значит, остальные твои товарищи мертвы? — поинтересовался Чак Ли.

— Они исчезли в пустоте... Лишь я один возвращался оттуда... Но вряд ли кому-то ещё по силам вернуться.

— Теперь ты хочешь отомстить? — неуверенно произнёс Хуан Фанхио.

Смех существа сопровождался невероятно сильным свечением. На людей накатили волны тепла и света.

— Мечь... Мечь ничего не значит. Нельзя мстить тому, кто не ведает, что творит. А я вижу, что вы не знали. Да и не могу я причинить зла тем созданиям, которых спас когда-то.

— А как нам тебя называть? — осмелев, поинтересовалась Ева, видя миролюбивое поведение существа.

— Давным-давно у меня было имя. Настоящее имя... Можете обращаться ко мне: «Хииис». Моей задачей всегда было оберегать вас. Однажды я уже спас ваших далеких предков... И вам тоже нужна помощь. Ваше время слишком скоротечно...

— Вот неожиданность, — сказал Чак, — ты можешь снять это «проклятье таймера»?

— Да, но сейчас у меня не хватит на всех сил и мне уже пора, — ответил Хииис и озарил помещение ярчайшим светом, так что ребята были вынуждены зажмуриться.

— Подожди! — закричал Браун. — Когда же ты вернёшься и избавишь человечество от неминуемой смерти?!

Вместо ответа свет сконцентрировался в один большой шар. Все присутствующие молчали, не рискуя повторить вопрос. В крыше лаборатории само по себе возникло круглое отверстие, диаметром метров двадцать. Через него было видно, что над зданием зависло какое-то переливающееся голубым и красным цветами пятно.

— Так когда?!?! — в отчаянии крикнул Браун ещё раз и бесстрашно рванулся вперёд, словно хотел вытрясти из этого создания ответ.

Существо, назвавшее себя Хииисом, вытянуло через отверстие яркий луч прямо к пятну. На сияющем шаре проступили черты, напоминающие лицо человека.

«Когда вы будете как дети...дети...дети», — эхом прозвучали под куполом слова Хииса.

В следующее мгновение свет перетёк в зависшую над лабораторией сферу. А ещё через миг она умчалась в небо, сверкнув ярчайшей точкой среди звёзд.

— Он вернется, — твёрдо сказал Алексей, — не в нашей жизни, и, возможно, даже не через сто лет, но вернется.

— Мне бы твою уверенность, — ухмыльнулся Хуан Фанхио.

— А нам нужно лишь достойно жить, улучшая свой мир, чтобы передать его своим потомкам гораздо более обустроенным и справедливым, — кивнул Браун.

Алексей обнял за плечи притихшую Еву и нежно поцеловал её в щеку. Она слегка смутилась, но лишь сильнее прижалась к нему.

— Кстати, о потомках, — улыбнулся Гив, — Лёша подает вам всем хороший пример. Потомки сами по себе не появляются.

Дружный хохот друзей наполнил помещение лаборатории. И смех этот был добрым и искренним. Ребята смеялись от души, и плевать им было на то, сколько времени осталось на их таймерах. Ведь не важно, сколько тебе отпущено... Можно и за один день изменить мир или его погубить.

— А что значат эти слова о детях? — спросила Ева.

— Не уверен, что знаю, — произнес Джим Браун, — но я точно знаю, что наши дети будут умнее и лучше нас...